

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2008 г. Д.В. СИЧИНАВА

СИНОНИМИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ЛИНГВИСТИКИ ХХ–ХХI ВЕКОВ (ЧАСТЬ I)

В первой части статьи рассматриваются структуралистские и генеративистские подходы к описанию синонимии грамматических (словоизменительных) показателей; особо выделены работы ряда отечественных исследователей 1960–1980-х гг. (часть из которых испытала влияние структурализма). Диапазон подходов к этому явлению – от его полного отрицания, диктуемого самыми общими принципами структурализма (причем предлагалось несколько различных способов объявить синонимию «несуществующей»), до дифференцированного подхода к различным типам сосуществования синонимичных единиц.

В этой статье, состоящей из двух частей¹, мы рассмотрим некоторые предлагавшиеся в языкознании XX – начала ХХI века трактовки проблемы синонимии грамматических показателей. Представленный в статье обзор никоим образом не претендует на полноту. Синонимия и «вариативность» («варьирование») – тема достаточно популярная в отечественной и зарубежной лингвистике, особенно последних пятидесяти лет, и число работ по ней очень велико; тем не менее немногие из них в том, что касается внутриязыковой синонимии словоизменительной морфологии, представляют теоретический интерес.

Сразу оговоримся также, что наше изложение ведется не в порядке строгого хронологическом, а в соответствии с некоторым идеализированным вектором «от структурализма к постструктурлизму», от идеи жестких оппозиций в языке и хаотичной поверхностной вариативности в речи – к идее так или иначе равноправного сосуществования параллельно возникших грамматических единиц со сходной дистрибуцией. Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимает совокупность работ по синонимии и вариативности грамматических показателей, появившихся в отечественном языкознании второй половины ХХ в.: в чем-то они испытывают влияние различных направлений структурализма, в чем-то продолжают, по сути, прескриптивную, а не описательную традицию нормативной стилистики, а некоторые предвосхищают позднейшие принципы теории грамматикализации.

Часть I статьи посвящена структуралистским подходам и упомянутой группе отечественных работ, часть II – постструктурристским теориям грамматической синонимии.

I. ПОДХОДЫ ЭПОХИ СТРУКТУРАЛИЗМА

1. Что такое синонимия грамматических показателей?

Под грамматическими показателями мы подразумеваем морфемы или иные морфологические знаки (такие, как чередования, редупликации и проч.), аф-

¹ Часть II будет опубликована в следующем номере. – Ред.

фиксальные или корневые (например, корни вспомогательных глаголов или частицы), выражающие грамматические значения. Грамматические значения – такие значения, выражение которых обязательно для всех словоформ данного класса лексем (согласно неформальному определению, данному в [Зализняк 1967: 22–24]).

Понятие языковой синонимии – чаще применительно к лексике – имеет долгую историю, несколько конкурирующих определений и даже принципов определения (см. обзор и обширную библиографию в [Апресян 1974/1995: 216–224]). Представление о синонимии как о «семантическом тождестве», названное Ю.Д. Апресяном «естественным» [Там же: 217], долго не получало полной поддержки в лингвистике и сопровождалось различными оговорками, а иногда даже и замечалось на противоположное утверждение (восходящее еще к В. фон Гумбольдту и А.А. Потебне), согласно которому синонимия, напротив, не может усматриваться в случае полного тождества означаемых, а непременно требует определенных различий в семантике единиц, участвующих в этом отношении. В XX веке, по крайней мере в первой его половине, такая трактовка в языкоznании была даже доминирующей. Ср. цитируемую Ю.Д. Апресяном обобщающую формулировку А.Б. Шапиро: «общее мнение сошлось на том, что синонимами не являются слова различного звукового состава, полностью совпадающие по значению. ...Синонимами являются слова... содержащие в своих, сходных в целом, значениях те или иные различия» [Шапиро 1955: 72]. Применительно к грамматической синонимии подобное понимание предложено уже в первой отечественной работе, где употребляется этот термин – [Пешковский 1930].

Указанный подход к синонимии опирается не только на филологическую традицию нормативной стилистики, но и на объективные языковые тенденции. Наряду с хорошо известным принципом «асимметричного дуализма языкового знака» (сформулированным С.О. Карцевским), согласно которому между планом означающего и планом означаемого в языковом знаке принципиально нет однозначного соответствия (Карцевский 1929) и всякий знак «является виртуально “омонимом” и “синонимом” одновременно» [Карцевский 2004: 239], существует, по-видимому, и иной, в некотором смысле противоположный ему, семиотический функциональный принцип, согласно которому знаковая система стремится, напротив, к идеальному и принципиально недостижимому одно-однозначному соответствию означающего и означаемого – это требование «изоморфизма языка и модели мира» по [Haiman 1985] (см. также [Кобозева 2000: 40, 100]) или «порядка» («упорядоченности», order) по [Dahl 2004: 19]. Выражается этот принцип, в частности, при дифференциации синонимических средств языка, которые после некоторого (возможно, большого) периода сосуществования начинают различаться если не в плане денотата, то, по крайней мере, в синтаксисе, прагматике и иных свойствах (ср. широко известный пример слов *лингвистика* и *языкоzнание*, тождественных по денотату, но различающихся по синтаксису – словосочетание *сравнительно-историческая лингвистика* менее допустимо, чем *сравнительно-историческое языкоzнание*). Естественно, это относится и к синонимии грамматических показателей, ср., например, стилистически маркированное *-ою* в *рукою* рядом с нейтральным *-ой* в *рукой*. В связи с этим в литературе неоднократно встречается утверждение, согласно которому в языке вообще нет (точных) синонимов ни на каком уровне; якобы существует системная «боязнь синонимов» в языке, подобно тому как в aristotelевой физике «природа боялась пустоты» – [Aronoff 1976; Kiparsky 1983] (принцип «избегай синонимов» – Avoid Synonyms Principle); [Williams 1997]. В [Croft 2000: 176] это положение названо «первым принципом распространения» (или «пропагации», propagation), а в [Dahl 2004: 77–78] такое утверждение (Э. Даль видит в нем скорее не принцип, а тенденцию диахронического развития, одну из нескольких) сопоставлено с принципом «ниши» в экологии – два вида в экосистеме не могут занимать одну и ту же нишу и вступают в отношение конкуренции.

Тем не менее указанная тенденция, хотя объективно и несомненно существующая, по крайней мере в синхронном срезе не имеет абсолютного характера – слова с идентичными лексическими значениями в естественных языках все-таки засвидетельство-

ваны, поэтому принятное в Московской семантической школе разделение синонимов на «точные» или «абсолютные», толкования которых полностью совпадают, и «несточные» или «квазисинонимы», толкования которых имеют большую общую часть (ср. [Апресян 1974/1995: 218]), как представляется, адекватно отражает как синхронную, так и диахроническую реальность языковых элементов, близких по значению. Аналогично разделение предлагалось на морфологическом уровне для словообразовательных аффиксов, ср. апеллирующий к понятию «инварианта» (основного, единого во всех употреблениях значения) подход работы [Улуханов 1977: 199]: здесь «синонимичными» признаются аффиксы, «инвариантное» значение которых совпадает, а «частично синонимичными» – аффиксы с совпадающими «контекстами» (вторичными) значениями.

При дальнейшем употреблении терминов «синонимия» и «синоним», если специально не оговорено обратное, имеется в виду (аналогично тому, что принято в лексической семантике) как полная синонимия, так и квазисинонимия.

2. Пражский структурализм и американский дескриптивизм: строгие оппозиции в грамматике. Алломорфы, варианты и синонимы

Применение структуралистских представлений о языке как о системе четких оппозиций к морфологии – зачастую выражавшееся в переносе фонологического понятийного аппарата на морфологический уровень – начинается в 1930-е годы в рамках так называемого «пражского структурализма». Обычно в этой связи указывают на знаменитые статьи Р.О. Якобсона [Якобсон 1932/1985; 1936/1985], где, соответственно, значения категорий русского глагола и падежных категорий русского имени разбираются с точки зрения бинарных оппозиций: в рамках каждой из этих пар определен маркированный и немаркированный признак, а синонимия грамматических форм в известных контекстах рассматривается как нейтрализация этих противопоставлений. Якобсон принимает тезис «асимметричного дуализма» по Карцевскому (напомним, что работа Карцевского 1929 г. была опубликована в первом же выпуске «Трудов Пражского лингвистического кружка» и должна также рассматриваться в ряду обсуждаемых работ пражцев) и усматривает образец синонимического отношения в «асимметрии коррелятивных грамматических форм»: «Два знака могут относиться к **одной и той же предметной данности** (выделение Якобсона. – Д.С.), но значение одного знака фиксирует известный признак А этой данности, тогда как значение другого знака оставляет этот признак неупомянутым. Например, *ослица* может быть обозначена как словом *ослица*, так и словом *осёл*. При этом подразумевается один и тот же предмет, только во втором случае значение гораздо менее уточнено» [Якобсон 1932/1985]. Таким образом, члены оппозиции могут входить в квазисинонимичные отношения, но, по-видимому, только указанного типа (связанного с противопоставлением маркированного члена оппозиции немаркированному). Статья [Якобсон 1936/1985] содержит утверждение о том, что всякую грамматическую категорию любого языка можно представить в виде таких противопоставлений. Таким образом, несмотря на то, что Якобсон принимает принцип «асимметричного дуализма», идеалом грамматической системы языка оказывается все же противопоставленность всех форм: сосуществования полностью синонимичных элементов системы (или квазисинонимичных, но имеющих каждый свои дополнительные значения) в рамках данной системы допущений не предусмотрено.

Из работ пражских структуралистов в связи с нашей темой нужно назвать два текста В. Скалички, явившиеся в печати в 1935 году. Статья [Скаличка 1935/1967а] представляла собой опыт развития принципа асимметричного дуализма; монография [Скаличка 1935/1967б] – одно из первых структуралистских описаний грамматики конкретного языка (венгерского), в сопоставлении с целым рядом других языков. В статье разбираются омонимия и синонимия (в терминологии автора – «омосемия») языкового знака. Впервые дано важное указание на то, что синонимия более свойственна «флек-

сиям» или «формемам» (грамматическим показателям), чем корням [Скаличка 1935/1967б: 121–122]. В качестве примеров синонимичных корней («омосемических семантем») в книге «О венгерской грамматике» рассматриваются лишь супплетивные корни, выбор между которыми обусловлен грамматикой (лат. *fer-o*, *tul-i*, *lat-ut* ‘носить’, венг. *vagy-ok* ‘я есть’ – *len-nék* ‘я был бы’). Скаличка формулирует также принципиальное для структурализма утверждение – его не было у Карцевского – согласно которому как синонимия, так и омонимия языкового знака связаны со взаимоисключаемостью членов соответствующего ряда. В качестве примера приводятся, в частности, чешские окончания различных типов спряжения: «Омосемическими являются, например, флексии *-i*, *-t* в формах *kirij-i* ['покупаю'], *dělá-t* ['делаю']. Условием появления омосемии является опять-таки взаимоисключаемость частей омосемической группы. Части омосемической группы подобны фонологическим вариантам, взаимно дополняющим друг друга. Взаимоисключаемость делает возможным их смысловую идентичность при формальном различии» [Скаличка 1935/1967б: 121]. Указанное явление объясняется тем, что «асимметричный дуализм... вызывает в языковой системе известные затруднения и осложнения. Поэтому языки – разные и каждый в неодинаковой степени – избегают его» [Там же]. Это положение, как увидим, было последовательно развито дескриптивистами.

Школой структурализма, особенно подробно разрабатывавшей описание морфологического уровня языка, стал американский дескриптивизм. Первые работы в этой области здесь появляются уже в 1930-х годах, параллельно выше указанным статьям Якобсона и Скалички. Вопрос о синонимии морфологических единиц (морфем) возникает в дескриптивизме на стадии группировки выделенных морфов – минимально значимых отрезков речи – в морфемы, что называется идентификацией морфем. Принципы идентификации выдвинуты в 1942 году З.З. Харрисом [Harris 1942] и базируются на фундаментальном для дескриптивизма принципе дополнительного распределения (*complementary distribution*). Алломорфами одной и той же морфемы признаются синонимичные единицы, никогда не встречающиеся в одном и том же морфемном окружении (например, алломорфы английского показателя множественного числа [*s*], [*z*], [*iz*], [*en*] в *books* ‘книги’, *boys* ‘мальчики’, *classes* ‘классы’, *oxen* ‘волы’).

Кроме того, в американском дескриптивизме выделяются два типа дистрибутивных отношений, имеющих ближайшее отношение к нашей проблематике: это свободное варьирование (*free variation*) – синонимия при отсутствии дополнительного распределения (русские примеры из [Арутюнова, Кубрякова 1961: 213]: *рукой–рукою*, *шоферы–шофера*) и неконтрастирующая дистрибуция («такое соотношение морфемных сегментов, при котором они, даже попав в одинаковое положение, не могут выполнять дистинктивной, смыслоразличительной роли»: *-ся* и *-сь* в *вернулся–смеюсь* дополнительно распределены, но тогда, когда эта норма нарушается, формы типа *смеюсь* не несут никакой семантической нагрузки сравнительно со *смеюсь*). Относительно статуса данных единиц с точки зрения объединения в морфемы мнения разных дескриптивистов расходятся.

Так, например, Ч. Хоккет [Hocket 1947: 331, 336 ff] критиковал подход Харриса за то, что единицы, находящиеся в отношении свободного варьирования, согласно его принципам не отождествляются. Хоккет предложил модификацию соответствующего принципа, согласно которому вместо дополнительного распределения требуется неконтрастирующее (таким образом, в парах вроде *свечой–свечаю* усматривается одна и та же морфема творительного падежа). Данный анализ наталкивается, однако, на ту трудность, что синонимические морфемы могут употребляться для маркирования одной и той же грамматической категории у разных значений одной лексемы, например, англ. *brother* ‘брать’ – *brothers* ‘сыновья тех же родителей’, но *brethren* ‘монахи, члены братств’ (ср. русское *хлеб* – *хлебы*, *хлеба*): Хоккет обходит это препятствие тем, что считает подобные слова омонимами (и соответственно корни таких слов – разными морфемами).

С другой стороны, в рамках дескриптивизма выдвигалась точка зрения, согласно которой фонетически вполне различные морфы не могут считаться алломорфами, а представляют собой синонимы; для объединения в одну морфему необходим известный критерий фонетической близости (этую позицию отстаивал, в частности, Ю. Найда [Nida 1949: 90]).

В отечественной традиции критерий, аналогичный подходу Найды, сформулированный в рамках Московской фонологической школы (МФШ) и связанный с именами В.Н. Сидорова, А.А. Реформатского и П.С. Кузнецова, требует, чтобы морфы, входящие в одну морфему, были связаны друг с другом чередованиями. Таким образом, синонимия морфем усматривается в дополнительно распределенных показателях, например, во флексиях различных типов парадигм: так, русские окончания творительного падежа единственного числа *-ой*, *-ом* и *-ю* признаются тремя разными синонимичными морфемами; не являются алломорфами, с точки зрения МФШ, и супплетивные корни, вроде русских *ид-* и *ше(д)-*.

В качестве постскриптума к данному разделу – не столько исторического, сколько уже теоретического характера – укажем, что и современные трактовки алломорфии (уже не связанные рамками структурализма как направления) в общем следуют за позднедескриптивистским подходом к синонимии морфем. Нам представляются справедливыми критические положения, выдвигаемые И.А. Мельчуком [2001: 243–244] против последней трактовки морфемы, в частности, то, что для выражения единства дополнительно распределенных аффиксов, а также супплетивных корней в таком случае требуются дополнительные понятия более высокого таксономического уровня. По замечанию В.А. Плунгяна [2000: 60–61], такое решение покоятся на «часто весьма зыбком критерии фонологической естественности».

Тем не менее нам представляется, что при решении проблемы алломорфии к случаям одинакового распределения синонимичных морфем следует применить по меньшей мере требование возможности перехода от одной морфемы к другой при помощи тех или иных чередований (в терминологии, используемой Мельчуком, – представимости по означаемому). При таком компромиссном решении определения алломорфии как для класса корневых, так и для класса аффиксальных морфов приближается к симметрии (хотя все же и не становится полностью симметричным, поскольку не полностью тождественное распределение корней, не связанных чередованиями, не обязательно предполагает объединения их в одной морфеме).

Похожее решение предлагается В.Б. Касевичем: «Если правило, фиксирующее переход от морфа *X* к морфу *Y* в контексте *C*, указывает на фонологические признаки хотя бы одной из переменных – *X*, *Y* или *C*, то морф *Y* есть вариант морфа *X*. Так, морф *рожн-* – вариант морфа *рожон-*, поскольку правило говорит об опущении гласной /о/ в корнях некоторого фонологического облика (хотя и не во всех). Но морф *люд'* – не есть вариант морфа *человек-*, так как правило перехода от *человек-* к *люд'* не ассоциирует к фонологическому виду ни первого морфа, ни второго, ни контекста, в котором осуществляется замена морфов. Поэтому *люд'* – самостоятельная морфема, синонимичная морфеме *человек-*» [Касевич 1986: 41]. «Фонологически необусловленное» варьирование, лишенное фонетического сходства, отделено от алломорфии в [Алпатов 1991: 139, ср. также 144]: «Крайний случай фонетически необусловленного варьирования – так называемый супплетивизм, когда варианты такого рода не имеют и фонетического сходства. Сюда могут быть отнесены не только случаи типа русск. *ид-* – *и-*, но и обычно не относимые к супплетивизму случаи, например, окончаний разных типов склонения. Варианты здесь столь различны, что принято считать их разными, но синонимичными морфемами».

3. ВАРИАТИВНОСТЬ И СТРУКТУРА ЯЗЫКА В ТЕОРИИ АНДРЕ МАРТИНЕ

Французский лингвист А. Мартине, один из последних крупных теоретиков «классического» (не «neo-») структурализма, посвятил проблеме вариативности языковой

структуры особую работу [Мартине 1962]. Термин «variation», вынесенный в заголовок работы, означает, как комментирует автор, и процесс «варьирования», и являющиеся его результатом языковые «вариации». В этой работе бросается в глаза прежде всего то, что Мартине выделяет лишь «вариации в пространстве» (разные выражения одного и того же в различных диа-, этно- и/или идиолектах, не препятствующие взаимониманию) и «вариации во времени» (то есть диахронический процесс изменения языка); проблема сосуществования в языке нескольких вариантов эксплицитно даже не обсуждается. Тем не менее его работа представляет собой некоторый шаг вперед по сравнению с «жестким» структурализмом в морфологии: во-первых, ставится сама проблема варьирования структуры, во-вторых, принципиальное внимание уделяется семантической стороне вопроса; семантические различия между единицами считаются столь же «субстанциальными» [Мартине 1962: 458–459], что и поверхностное распределение.

Мартине различает два аспекта системы языка, в которых может осуществляться варьирование: это парадигматический (класс взаимоисключающих единиц, элементов одной грамматической категории) и синтагматический, определяющий различие между различными грамматическими категориями (например, синтагматическая глагольная система включает в себя парадигматические категории времени, залога и т.п.). Данное разграничение – во всяком случае, как его представляет автор – полемично по отношению к дескриптивизму. Дескриптивистскую позицию, от которой Мартине отмежевывается, он формулирует так: «никакие отношения, возможные или существующие между единицами, входящими в один и тот же класс, не могут рассматриваться в качестве элементов структуры языка... какие бы то ни было отношения между членами одного и того же класса, кроме самого факта их “контрастирования” друг с другом, считаются внеязыковыми или, в лучшем случае, метаязыковыми и не относящимися к структуре языка» [Там же: 454].

Значительная часть работы, как и гораздо более известная работа Мартине [Martinet 1955], посвящена вопросу о причинах и технике языковых изменений – теме, касающейся нашей проблематики лишь косвенно. Собственно вопрос вариативных элементов языка рассматривается в последнем разделе статьи [Мартине 1962: 460–464], выразительно озаглавленном «Внешние вариации и фундаментальная структура». Данный раздел полемичен по отношению к дескриптивизму и «дистрибуционистскому» подходу к морфологии. Хотя «для всех тех, кто изучает данный язык – будь то ребенок или взрослый, – далеко не безразлично количество способов выражения генитива в изучаемом языке: имеются ли в нем две (или более) различные формы генитива или в результате выравнивания по аналогии представлен только один способ выражения этого падежа», понимание морфологии лишь как инвентаря алломорфов и правил их распределения ограничено: описываемые таким образом «акциденции» (внешние стороны сущности, термин, заимствованный из схоластики) «представляют собой лишь весьма периферийные аспекты подлинной структуры языка» [Мартине 1962: 461]. Дело в том, что, согласно Мартине, подлинную структурную значимость имеет не столько возможность употребления той или иной единицы в определенной точке высказывания (что задает все пространство возможностей традиционной формально-морфологической типологии: агглютинация, фузия, кумуляция, разрывные морфемы, алломорфия, супплетивизм и т.п.), а возможность употребления этой единицы в высказывании вообще, не морфологическая (линейная), а семантическая (нелинейная) сторона дела [Там же: 462–463]; порядок значимых единиц – в отличие от порядка фонем – нерелевантен [Там же]. Соответственно проблемы соотношения между поверхностными представлениями единиц являются второстепенными по сравнению со структурными соотношениями единиц, принадлежащих разным дистрибутивным классам (или одному и тому же, но с семантической, а не формальной точки зрения).

Получается, что структурализм, ориентированный на семантику (кроме как у Мартине, такой подход мы видели и у Якобсона), в еще меньшей степени, чем структура-

лизм, ориентированный на форму (дескриптивизм), уделяет внимание синхронному сосуществованию синонимичных единиц. Если дескриптивизм хотя бы ставит проблему «свободного варьирования» и допускает споры о статусе – алломорфическом или синонимическом – таких единиц, поднимает вопрос о синонимии супплетивных морфем и т.п., то семантико-ориентированный подход признает синонимию лишь как речевую нейтрализацию форм, противопоставленных в языке. Конкретные средства выражения этой оппозиции и этой нейтрализации представляют для него лишь периферийный интерес.

4. ОБОБЩЕНИЕ СТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ В «КУРСЕ ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ» И.А. МЕЛЬЧУКА

Структуралистский подход к семантике грамматических показателей, жестко противопоставленных семантике лексических единиц, представлен, например, в «Курсе общей морфологии» (КОМ) И.А. Мельчука – этот фундаментальный компендиум морфологических знаний, появившийся в 1990-е годы, отражает структуралистскую научную парадигму (с элементами генеративизма), характерную и для более ранних (1960–1970-е годы) работ как самого автора, так и других лингвистов, работавших в рамках получившей широкую известность лингвистической теории, т.н. «Модели Смысл ↔ Текст». Некоторые идеи, обсуждаемые ниже, высказаны уже и в ранних статьях Мельчука (в частности, серия статей в «Известиях АН», из которых для нашей проблематики специальный интерес представляет [Мельчук 1968]).

Синонимия морф (корней или аффиксов) трактуется как «тождественное означаемое при различном означающем» у двух морф [Мельчук 2001: 228]. В качестве примеров таких аффиксов приводятся (в различных частях КОМа) «адъективирующие словообразовательные суффиксы -ическ vs. -ичн и -лив vs. -н: эти суффиксы имеют одно и то же означаемое ('относительное прилагательное'), не являясь, однако, алломорфами одной морфемы» [Мельчук 1997: 332], а также словообразовательные суффиксы со сложным и трудноописываемым распределением: диминутивы -ок и -ик [Мельчук 2001: 233], суффиксы, образующие названия жителей, -ич, -ец, -анин и др. [Там же: 234].

«[Грамматические значения] достаточно легко сводятся в хорошо организованную систему четких обобщенных оппозиций, образуя высоко структурированные и достаточно очевидные множества. Так, для всякого носителя русского языка 'множественное [число]' образует систему с 'единственным [числом]', а 'настоящее [время]' – с 'прошедшем' и 'будущим'» [Мельчук 1997: 243]. Этот принцип в формулировке, предлагаемой автором, касается только грамматических значений, однако он, как увидим, оказался фактически во многом распространен и на план их формального выражения.

Подробно вопрос о соотношении между планом выражения и планом содержания двух знаков ставится в томе IV «Курса общей морфологии», где проводится попытка полного исчисления «формально-смысловых отношений между двумя произвольно взятыми языковыми знаками» [Мельчук 2001: 468–496]; данный раздел во многом опирается на серию ранних работ автора (см. выше). Автор ставит целью проанализировать все логически возможные способы отношения между знаками; для этого он строит 17 классов, соответствующие различным комбинациям отношений между означающими и означаемыми в пределах пары знаков. Коль скоро анализу подвергаются не только элементарные знаки, но и более сложные (например, словоформы), то случай полной грамматической синонимии мог бы попасть в классы 2 – «Тождество означаемых, включение означающих», 3 – «Тождество означаемых, непустое пересечение означающих» и 4 – «Тождество означаемых, дизъюнкция означающих». Квазисинонимия могла бы попасть в любой из классов 5–12, где речь идет о непустом пересечении (в т.ч. включении) означаемых. Однако в перечне анализируемых случаев мы вовсе не находим синонимии грамматических показателей – для «тождества означае-

мых» Мельчук рассматривает только лексическую синонимию, различные типы словообразования, а также супплетивизм, регулярную алломорфию и словоизменение, связанное с согласованием (так, полностью синонимичны словоформы *хороший* и *хорошая*). Квазисинонимические грамматические показатели в соответствующем списке также отсутствуют (наличествуют, в частности, супплетивизм и лексическая квазисинонимия).

Тем не менее, опираясь на этот *argumentum ex silentio*, утверждать, что существование двух и более синонимичных различных морфем (а не алломорфов одной морфемы), выражающих словоизменительные, а не словообразовательные значения, теорией Мельчука вовсе не предусмотрено, было бы неверным. По крайней мере для корневых морфем – в нашем случае речь идет о корнях вспомогательных словоформ (лекс), участвующих в образовании аналитических форм – такая возможность имеется, хотя в качестве примеров приводятся только корни полнозначных лексем. Согласно мельчуковскому определению морфемы ([Мельчук 2001: 230–231]; см. также специальную работу [Мельчук 1998]), корни, означаемые и дистрибуции которых тождественны, но которые не представимы через чередование и/или конкатенацию относительно некоторой представляющей корневой морфы, не являются алломорфами одной морфемы – например, франц. *tank* и *char* ‘танк’; «мы не хотели бы, чтобы они были признаны морфами одной морфемы» [Мельчук 2001: 242]. Таким образом, синонимия вспомогательных глаголов вроде португальских *ter* и *haver* не является алломорфией, уже постольку, поскольку представляет собой синонимию корней, распределенных одинаково.

Однако относительно синонимических аффиксов Мельчук [2001: 242] утверждает: «для аффиксов свободное варьирование [алломорфов] допускается без ограничений: например, суффиксы творительного падежа единственного числа у русских существительных женского рода [...] -ой и -ую (а также -ей и -ю), взаимозаменимые во всех контекстах, являются алломорфами одной и той же морфемы»; ср. также более четкую формулировку с употреблением понятия синонимии: «равнозначные (= синонимичные) аффиксы с факультативным распределением включаются в одну морфему независимо от их означающих... синонимия таких аффиксов влечет их алломорфию» [Мельчук 1998: 19]. Иными словами, синонимичные, одинаково распределенные показатели испанского имперфекта конъюнктива (восходящие к латинским плюсквамперфектам индикатива и конъюнктива соответственно) *-se-* и *-ra-*, в таком понимании принадлежат одной и той же морфеме. Данное решение, как представляется, не вполне адекватно с интуитивной точки зрения – заметим, что к интуиции прибегает и И.А. Мельчук, когда говорит, что «не хотел бы» считать *tank* и *char* алломорфами.

Таким образом, грамматическая модель, принятая в «Курсе общей морфологии», как будто бы предусматривает существование синонимичных аналитических, но не синтетических грамматических форм; последние оказываются дополнительно связанны (через соответствующие грамматические показатели) отношением алломорфии. Квазисинонимическое отношение в этом смысле не отличается от полной синонимии.

5. «ОДНОЗНАЧНОСТЬ» МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ В ГЕНЕРАТИВИЗМЕ: «БЛОКИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП»

Радикальная «антисинонимическая» позиция, согласно которой синонимичных словоизменительных форм (а, возможно, и языковых единиц с тождественной семантикой вообще) в языке не существует, получила распространение в морфологической теории уже после отступления структуралистской парадигмы с господствующими позициями. Примером может служить американская лингвистика второй половины XX в. Здесь дескриптивизм и «дистрибуционизм» в понимании Харриса–Хоккета сошел со сцены после так называемой «хомскианской революции» второй половины 1950-х годов и распространения генеративистского подхода.

Казалось бы, порождающая лингвистика, на начальном своем этапе поощрявшая исследования альтернативных «поверхностных» реализаций, которые получают «глубинные» синтаксические конструкции, должна была бы уделить особое внимание и синонимии грамматических форм. Но этого не произошло. Парадоксально, но влиятельная морфологическая модель, разработанная в рамках генеративизма М. Эроноффом [Aronoff 1976], эксплицитно запрещает существование синонимичных форм, то есть сохраняет одно-однозначное соответствие смысла и формы, свойственное структурализму (и даже, как увидим, в более сильной степени, чем собственно в дескриптивизме).

Данное ограничение на образование морфологических форм Эронофф называет «принципом блокирования» (*blocking principle*)². Возникновение этого принципа было связано не столько со словоизменительной, сколько со словообразовательной морфологией (десификация в теории Эроноффа нечетко отграничена от словоизменительной морфологии – см. об этом также [Кубрякова 1991: 155]). «Принцип блокирования» был призван объяснить отсутствие образований вроде *glorious* ‘славный’ + *-ity* ‘номинализирующий суффикс’ = **gloriosity*; создание подобной формы «запрещается» благодаря существованию бессуфиксального существительного *glory* ‘слава’.

Принцип блокирования сформулирован его автором так: «Блокирование – это отсутствие некоторой формы в силу того, что просто уже существует другая форма... Предположим, что в основе организации словаря лежат [морфологические] основы, и каждая из них имеет свободную позицию (*slot*) в соответствии с каждым регулярным значением, где «регулярный» означает «образованный по регулярным правилам». В таком случае примем, что каждая позиция, соответствующая значению, не может быть занята более чем одним элементом (*item*)» [Aronoff 1976: 42–44].

Кратко данный принцип переформулирован Э. Вильямсом [Williams 1997]: «Х блокирует Y тогда и только тогда, когда X является кандидатом с тем же значением, что и Y. Блокирование можно представить как часть «боязни синонимии»: если в синтаксисе³ или морфологии существуют две формы, они должны иметь разные значения, а если двум формам невозможно присвоить разные значения, то одна из них не может существовать».

Дж. Блевинс [Blevins 2000: 250] замечает, что сформулированный таким образом принцип блокирования, безусловно, распространяется не только на словообразование, но и на словоизменение; кроме того, в более поздних версиях теории Эроноффа на месте «основы» выступает уже «лексема», что прямо указывает даже на более узкое понимание данного принципа [*Ibid.*]. Блевинс утверждает: «Эффекты блокирования гораздо весомее присутствуют в словоизменительных парадигмах»; если понимать под «значением» в формулировке принципа «грамматическое значение» по Якобсону, то «систематические случаи блокирования имеют место внутри лексем, а не между ними».

Видимое нарушение этого принципа в виде существования словообразовательных дублетов «иногда объясняют через утверждение, согласно которому в языке вообще нет синонимов». Иными словами, различие в морфологической структуре на самом деле поддерживается семантическими различиями, и тогда принцип блокирования не нарушается. Но словоизменительная однозначность, с точки зрения Блевинса, носит абсолютный характер, и проблема синонимии к ней не относится: «если и на самом деле синонимов нет, синонимия не может служить катализатором морфологического блокирования» [Blevins 2000: 250].

² Литература по «принципу блокирования» достаточно обширна: помимо работ, разбираемых и цитируемых ниже, он затрагивался (и получил поддержку) в статьях таких известных американских морфологов, как П. Кипарский и А. Цвики (библиографию работ 1970–1980-х гг. см. в [Miller 1993: 2]).

³ Вильямс предлагает (как и ряд других авторов) также и распространение принципа блокирования на синтаксис. – Д.С.

Таким образом, допущения, принятые в наиболее влиятельной морфологической теории, выдвинутой в рамках генеративизма, не допускают существования двух синонимичных словоизменительных форм. По-видимому, то же относится и к квазисинонимии, когда дистрибуция словоизменительных форм не в точности одинакова (ни одному регулярному «значению», воплощаемому основой или лексемой, не могут соответствовать две формы); в работе Блевинса утверждается, что маркированная форма не может встречаться в том же синтагматическом окружении, что и немаркированная [Ibid.: 243].

Встречается и более узкос понимание принципа блокирования (например, в работе [Pinker 1999: 144–153], обсуждение идей Пинкера см. также в [Dahl 2004: 96–97]), согласно которому блокирование имеет место только при наличии в парадигме «неправильных» (супплетивных и/или непродуктивных) форм, которые хранятся в словаре (*stored*), в то время как «правильные» формы порождаются говорящим по регулярным правилам (ср.: «более частный случай предшествует более общему» [Miller 1993: 2]); такая точка зрения, согласно Пинкеру, подтверждается психолингвистическими экспериментами. Так, существование английской неправильной формы типа *ran* ‘побежал’ блокирует порождение **runned* по общим продуктивным правилам образования Past Indefinite; говорящий, таким образом, имеет «параллельный» доступ к словарю и к правилам. Но это положение наталкивается на маргинальный (и малочастотный, в отличие от последовательно неправильных глаголов, в живой речи; см. об этом [Dahl 2004: 97]), однако же несомненный феномен сосуществования альтернативных регулярных и нерегулярных словоформ (и, соответственно, словоизменительных морфем) от одной и той же лексемы. Ряд английских глаголов знает варьирование вида *dream* [*dremt*]/*dreamed* ‘мечтал, видел сны’. Пинкер обходит данный факт, утверждая, что в таких случаях поверхность «правильная» форма не порождается, а хранится в словаре наравне с «неправильной». Таким образом, глубинная синонимия все же признается. Некоторые исследователи проблемы [van Marle 1985; Rainer 1988] различают «штучное блокирование» (*token-blocking*), когда запрещается порождение продуктивной формы при наличии непродуктивной, и «типовое блокирование» (*type-blocking*), когда один продуктивный тип блокирует другой (например, в нидерландском есть два продуктивных способа образования множественного числа – при помощи показателя *-s* и при помощи показателя *-en*; если от некоторого слова, скажем, *lepel* ‘ложка’ образуется множественное число *lepel-s*, а не **lepel-en*, то считается, что *-s*-тип блокирует *-e*-тип) [Miller 1993: 5]. Однако случаи варьирования между несколькими продуктивными типами также известны: *директор-ы* и *директор-а* и под.

Разумеется, генеративизм не отрицает объективных фактов, связанных с употреблением различных показателей в тождественной функции; однако, в точности как и дескриптивизм, считает подобные случаи поверхностным представлением одной и той же хранящейся в лексиконе морфемы (впрочем, в версии Пинкера, как мы видели, уже допустимо параллельное хранение в памяти синонимичных способов выражения). В.Б. Касевич, обсуждая проблемы представления морфемы как множества алломорфов, говорит о генеративистских работах (в том числе и о морфологических концепциях Эроноффа и Вильямса) следующее: «Для генеративистов, как известно, реальны с функциональной точки зрения только словарные (глубинные, системно-фонологические) и текстовые (поверхностные, системно-фонетические) записи морфем... Основной источник появления абстрактных единиц в словарных представлениях морфем – это именно стремление свести к минимуму возможность морфемной синонимии. Если, например, для испанского глагола *oir* ‘слышать’ устанавливают словарную запись /awd/, поскольку существует слово *audición* ‘слушание’ и некоторые другие, а потом сложной системой правил из /awd/ получают поверхностные формы *oigo* ‘слышу’, *oís* ‘слышишь’⁴ и т.п...., то это объясняется именно стремлением не допустить вхождения в словарь двух синонимичных морфем – /awd/ и /oir/» [Касевич 1986: 40].

⁴ Так у Касевича (использующего пример из [Calvano, Saltarelli 1979], где ‘you hear’): в действительности *oyes* ‘слышишь’, а *oís* ‘слышите’. – Л.С.

В данном пункте генеративная морфологическая теория Эроноффа и его последователей фактически остается в рамках структурализма. Э. Вильямс справедливо утверждает: «Принцип блокирования предвосхищался в структурализме, в частности, принципами, предлагавшимися Соссюром и Фортом⁵; согласно этим принципам различие в значении, возможно, играет более фундаментальную роль, чем собственно значение» [Williams 1997]. Впрочем, подобный взгляд выдвигался и младограмматиками, например, таким классиком сравнительно-исторического языкознания, как Г. Пауль (как и у Эроноффа, речь шла о подобных явлениях в словообразовании [Paul 1896: 704]).

6. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Интерес к анализу и теоретическому осмыслению языковой синонимии и/или вариативности (сами понятия «синонимия/синоним» и «вариативность/вариант» при этом разграничиваются различными авторами по-разному) возникает в отечественной лингвистике в конце 1950-х–1960-х годы во многом как реакция на структурализм. Примущественное внимание здесь уделялось синонимии и вариативности не в области морфологии, а в области лексики и синтаксиса, а также проблеме «семантической вариативности» (полисемии) и поискам инварианта. Показателен сборник [Ярцева (ред.) 1979], в предисловии к которому указано: «Стремление авторов монографии всегда держать в поле зрения содержательную сторону языка привело к тому, что семантическому варьированию было удалено большее внимание, чем чисто формальным вариантам, существующим в каждом языке» [Там же: 4]; действительно, собственно морфологической стороне проблематики здесь посвящена только общетеоретическая статья редактора сборника [Ярцева 1979], остальные так или иначе связаны либо с полисемией на грамматическом уровне, либо с синонимией на лексическом. Это характерно, впрочем, и для подхода к проблематике вариативности в западной лингвистике указанного периода: здесь она нередко связывается с проблематикой инварианта, т.е. общего значения различных употреблений одной и той же грамматической формы. Такой подход связан с уже упоминавшейся работой [Якобсон 1936/1985] и нашел отражение, например, в сборнике [Waugh, Rudy (eds.) 1991], где о «вариативности» заходит речь практически только в связи с полисемией и поиском «инварианта». Ср. в этом отношении даже недавний, специально посвященный вариативности в языке, выпуск журнала «Lingua» (2004, во второй части нашей статьи обсуждается работа [de Hoop et al. 2004] из этого выпуска), где также большое внимание удалено поверхностной синонимии и неразличению тех или иных грамматических значений, хотя проблематика инварианта уже во многом и утратила для этих исследователей актуальность.

Из огромного количества теоретических работ, тематических сборников и исследований вариативности и синонимии в конкретных языках, опубликованных в нашей стране в указанный период, нами здесь рассматриваются несколько непосредственно имеющих отношение к теоретическому осмыслению синонимии в морфологии. Более подробные библиографические указания в связи с проблематикой синонимии и вариативности (не только морфологической) в отечественном языкознании указанного периода см. в недавней работе [Сорокина 2003: 94 и сл.].

Понятие «грамматическая синонимия/синонимика» возникает у нас значительно раньше, чем начинается активная разработка данной проблематики, – в русле традиции нормативной, можно сказать даже «школьной» стилистики. Упомянем здесь методико-педагогическую по своим задачам работу А.М. Пешковского 1930 года; грам-

⁵ Чарльз Х. Форт (1874–1932) – малоизвестный у нас американский писатель, автор работ по философии науки и «паранормальным явлениям», НЛО и проч. (один из пионеров этой темы), критик позитивизма. – Л.С.

матические синонимы определяются здесь как «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу» [Пешковский 1930: 153]; синонимия трактуется как неабсолютная, связанная с «тонкими оттенками», «нюансами», «потому что стилистика вообще ведает только их». Соответственно, «синонимы, с о - в е р ш е н н о тождественные по значению, как *kadet* – *kadetov*, *svet* – *svetey*, а также синонимы, всецело диктуемые словарем, как *vody* – *ognya* – *ploschadi*, *vode* – *ognyu* – *ploschadi* (имеются в виду падежные окончания разных склонений. – Д.С.)», с точки зрения Пешковского, «должны будут выпасть из поля наблюдения» [Там же]. Морфологическая словоизменительная синонимия («синонимика синтаксических форм») рассматривается как нечто маргинальное: «морфологические синонимы этого типа в нашем языке все наперечет»; различие между ними относится на счет «архаичности» старых форм и «вульгарности» новых [Там же: 154].

Традицию нормативной стилистики применительно к русскому материалу развивают известные работы Д.Э. Розенталя [1968, переиздавалась неоднократно] и К.С. Горбачевича [1978]. Если пособие Розенталя связано прежде всего с «практической стилистикой» и «синонимией языковых средств» в понимании Пешковского, а «грамматическую стилистику» автор рассматривает как средство установления тонких различий между элементами (об этой работе см. также [Dahl 2004: 131]), то в работе Горбачевича имеются теоретические суждения относительно не только стилистических пар («синонимов»), но и полностью однозначных дублетов («вариантов»). Варьирование автор полагает неотъемлемым фактором языковой системы, связанным прежде всего с эволюцией языка («избыточность формы представляет собой и необходимый этап перестройки элементов языковой системы, который поддерживает преемственность речевых навыков и обеспечит в будущем более рациональный способ выражения» [Горбачевич 1978: 9]; «варианты слова маркированы, в первую очередь, по временной шкале»). Процесс сосуществования и конкуренции вариантов (предшествующий «отмиранию вариативности») оказывается медленным, значительно дольше жизни одного поколения и осуществляется неравномерно [Там же: 204–205].

Для исследования К.С. Горбачевича характерен строго формальный подход. Вариантами одного и того же слова (под «словом» разумеется и лексема, и словоформа) признаются единицы со вполне тождественным лексическим и грамматическим значением («полные синонимы», в нашей терминологии), морфологическая структура которых тождественна (различаться могут только формообразующие суффиксы), а на фонематические различия налагается известное ограничение [Горбачевич 1978: 9–17]. Альтернативные словоизменительные образования (*чашка чая/чаю*), таким образом оказываются «формообразовательными вариантами», в то время как словообразовательные (*волчиха/волчица*) – синонимами. Варианты (в отличие от синонимов) суть объекты не стилистики, а ортологии – науки о языковой норме или правильности речи [Там же: 9–20]. В работе анализируются три пары словообразовательных вариантов: формы родительного падежа единственного числа мужского рода на *-a* и на *-u* (так называемый второй родительный падеж), окончания множественного числа в том же склонении *-ы* и *-a*, окончания родительного падежа множественного числа (вроде *граммов/грамм*, *кочевий/кочевые* и т.п.). Среди общих выводов относительно природы морфологического варьирования – более характерная для морфологии, чем для других уровней языка, семантическая специализация вариантов [Горбачевич 1978: 201]; неоднократно отмечается зависимость распределения грамматических вариантов от семантического класса лексем: «образование даже морфологических вариантов имеет весьма лексикализованный характер» [Там же: 204].

Работы Розенталя и Горбачевича, хотя и продолжают старшую традицию, относятся уже к концу 1960-х–1970-м годам; специальные работы по синонимии грамматических форм впервые появляются, как кажется, в ленинградской школе германистики во второй половине 1950-х годов, и здесь очевидно уже влияние структурализма. Прежде чем перейти к исследованиям В.Н. Ярцевой и Е.И. Шендельс, важно назвать

во многом опередившую время статью акад. В.М. Жирмунского (1963 года) «Об аналитических конструкциях» [Жирмунский 1976]. В этой статье, посвященной, на первый взгляд, другому вопросу, предвосхищена возникшая в рамках теории грамматикализации (см. вторую часть нашей статьи) идея синхронного сосуществования («наслаждения») в языке синонимичных единиц, представляющих различные уровни грамматикализации («ступени грамматизации», в терминологии автора, использовавшего понятийный аппарат работ Мейе и Куриловича).

Аналитическое формообразование, по Жирмунскому, «имеет характер процесса с уальным (разрядка автора. – Д.С.) с переходными случаями большей или меньшей грамматикализации, которые следует рассматривать не как метафизически изолированные классификационные клеточки, а... как “узловые точки” в процессе развития, представляющие ряд последовательных ступеней грамматикализации, сосуществующих в языке без непроницаемых между ними перегородок» [Жирмунский 1976: 89]. В качестве иллюстрации этой идеи Жирмунский рассматривает синонимичные формы аналитического будущего русского несовершенного вида, образуемого при помощи глаголов *буду*, *стану* и *начну*.

Синонимии и полисемии в грамматике (на материале немецкого глагола) специально посвящена книга другого представителя ленинградской германистической школы – Е.И. Шендельс [Шендельс 1970] (сий предшествовала статья [Шендельс 1959])⁶. К сожалению, за пределами собственно германистики эта интересная работа не получила широкой известности, а между тем методология Шендельс представляется близкой к оптимальной для подобных исследований в рамках грамматической системы отдельного языка. Автор выделяет и описывает набор значений, присущий каждой из временных, залоговых и модальных форм немецкого глагола, а затем рассматривает, каким образом схожие значения различных форм могут вызывать эффект их синонимии и функционирования в идентичных контекстах.

Синонимия грамматических форм определяется Шендельс в структуралистских терминах: грамматическая категория понимается как «грамматическое значение, реализованное и формально выраженное в противопоставленных членах» [Шендельс 1970: 5], а «синонимы в морфологии – это противочлены оппозиций с нейтрализованными различительными признаками» [Там же: 40]. Синонимия грамматических значений считается неотрывной от полисемии (в соответствии с принципом Карцевского). Действительно, структура немецких глагольных форм индикатива представлена (в духе Якобсона и Исаченко) при помощи бинарных оппозиций и более сложных, сводимых к бинарным [Шендельс 1970: 6–11, 47], а изучаемая автором синонимия связывает не базовые значения форм («парадигматические»), а их вторичные («второстепенные синтагматические») значения; элементарные составляющие значений она одной из первых в отечественной лингвистике называет «семами» [Там же: 22–32] (этот термин восходит к уже обсуждавшимся работам В. Скалички и Ю. Найды). «Если представить потенциальный объем значений формы в виде совокупности смысловых элементов (сем), то синонимы можно считать пересечением двух и более совокупностей» [Там же: 31]. В пределах каждого синонимического ряда автор выделяет «доминанту, которой считается форма в своем парадигматическом значении» [Там же: 82]: например, в один синонимический ряд с парадигматическим значением претерита вступает перфект в его «дистантном» значении, презенс в «повествовательном» значении и плюсквиамперфект в «закрывающей» функции.

С одной стороны, нейтрализация синонимичных форм немецкого глагола происходит не в грамматической системе – «парадигматически» они противопоставлены все-

⁶ К работам Шендельс методологически (понятие «структурной близости») примыкает также подробно не рассматриваемая здесь статья ленинградской исследовательницы И.П. Ивановой [Иванова 1961], посвященная анализу синонимики в видо-временной парадигме английского глагола.

гда – а при «функционировании в речи», «в определенных синтагматических условиях» [Там же: 15]. Эти условия разбираются на с. 17 и след. (лексическая обусловленность, интонационная обусловленность, смысловая ассоциация, внелингвистический контекст и проч.). С другой стороны, «имеются оппозиции со слабо выраженными дифференциальными признаками, которые даже в парадигматической схеме могут считаться синонимичными» [Шендельс 1978: 16].

В качестве факторов, определяющих выбор синонимов, исследовательница выделяет «закон изменчивого угла зрения» (прагматическую субъективность), «стиль речи», причем противопоставляются наиболее резко отличающиеся друг от друга регистры – стиль научной прозы и обиходной речи, зависимость от социального положения, диалектной принадлежности, зависимость от лексического фактора, стремление избежать грамматической омонимии и трудноопределимая (и задаваемая в основном конкретными примерами) «зависимость от эстетического фактора», которой автор приписывает (в отличие от многих нормативных стилистик) наиболее скромную роль.

К филологической школе, испытавшей влияние работ Жирмунского и западноевропейского структурализма, принадлежит также ленинградский романист Л.М. Скреплина, автор второй известной нам отечественной монографии по грамматической синонимии – учебного пособия к спецкурсу «Грамматическая синонимия» [Скреплина 1987]. Ее метод также базируется на анализе семантики грамматических форм по минимальным различительным признакам (или компонентном анализе) и связан с «тензорной» теорией языка (или «психосистематикой»), выдвинутой еще в начале XX в. французским лингвистом Г. Гийомом и не получившей значительного признания за пределами Франции. В работе Скреплиной, как и у Шендельс, сохраняется соссюровская диахотомия «язык vs. речь»: помимо анализа «актуализации» языковых единиц (по методике Гийома и его последователей) ею также проводится компонентный анализ значения глагольных форм на «семы», а возникновение синонимии в речи («системно-дискурсивной» синонимии) связывается снейтрализацией того или иного дифференциального признака (как ставшего «слабым» в той или иной «микросистеме» оппозиций). Примечательно, что Скреплина [1987: 61] признает абсолютную синонимию грамматических единиц, более того, утверждается, что феномен абсолютной синонимии присущ только грамматическому, но не лексическому уровню языка (это утверждение перекликается с аналогичным положением Скалички – см. выше, раздел 2). «Синонимичными» при этом именуются также дополнительно распределенные грамматические показатели (такие, как окончания разных склонений и под.; проблема алломорфии не ставится), а абсолютная синонимия морфем при одной и той же лексеме относится к «морфологической вариантности», причем это понятие не противопоставлено синонимии (например, сюда подпадают альтернативные парадигмы глагола *s'asseoir* ‘садиться’: *je m'assisieds/je m'asseyel/je m'assis* и т.п.).

Другая «школа» изучения грамматической синонимии во второй половине XX в. связана прежде всего с именем В.Н. Ярцевой, ученицы Жирмунского (чья научная деятельность началась в Ленинграде, а продолжалась в Москве). Ее работы по грамматической синонимии появляются уже во второй половине 1950-х годов [Ярцева 1957], даже несколько ранее, чем первые работы Шендельс в этой области. И здесь проблематика «варьирования» (данная группа авторов предпочитает этот термин) привлекает в основном германистов; материалу германских языков, помимо нескольких статей в сборнике [Ярцева (ред.) 1979], целиком посвящен более поздний московский сборник [Семенюк (ред.) 1996]. Большинство исследований, выполненных в рамках этой ветви отечественной традиции – «case studies» конкретных фрагментов языковой системы, причем, как мы уже отмечали, в поле зрения этого круга авторов попадают не только (и, может быть, даже не столько) синонимия в морфологии, но и полисемия в служебной лексике или эквивалентность синтаксических средств выражения. Для этой традиции также характерно подчеркивание функциональных принципов (ср. прежде всего [Сорокина 2003]; в [Локштанова 1996] наряду с «вариативностью» употребляется термин «изофункциональность»).

В теоретической статье В.Н. Ярцевой [1979], специально посвященной морфологическому варьированию, интересующее нас явление называется «немотивированным формальным» варьированием (полная синонимия показателей), в отличие от полисемии, или «семантического варьирования» («сохранение одной формы при множестве варьирующихся значений»). Первое усматривается только в том случае, когда две различные формы «могут чередоваться в одной и той же позиции» [Ярцева 1979: 10]. Оно «типично для так называемых переходных периодов, когда происходит радикальная перестройка строя данного языка и социально-исторических условий его функционирования» [Там же: 15]; «оно не может быть извечным и узаконенным, так как с течением времени либо возникает семантическая или дистрибутивная дифференциация вариантов, либо один из вариантов отмирает» [Там же: 16]. К числу источников вариантов относится сосуществование исторических и аналогических форм, сведение в одну систему синонимов из разных территориальных диалектов либо этимологических дублетов. Все эти факты так или иначе уже были известны в предшествующей литературе. Собственно В.Н. Ярцевой принадлежит гипотеза, согласно которой такое варьирование возможно, «по-видимому, только для отдельных элементов ряда, но не для всего ряда в целом» [Ярцева 1979: 10, 23–25], то есть не может затрагивать всех элементов парадигмы в данном языке.

Среди работ последователей Ярцевой о морфологической вариативности в германских языках особо отметим посвященную глагольной системе датского языка статью [Локштanova 1996], где проводится постструктуральное различие между «составленно парадигмой», выстроенной на четких оппозициях, и слабее «грамматизованной» «расширенной парадигмой» (для которой синонимия более характерна) – впрочем, и тут автор усматривает «дифференцированные инвариантные значения» [Там же: 45–47], а также общетеоретическую (с привлечением примеров из английского языка) работу [Сорокина 2003], использующую функциональный и когнитивный подходы. Автор этой последней статьи концентрирует внимание на синонимии синтаксических конструкций, считая, что «на морфологическом уровне критерии... синонимии и методика выявления сходства и различия между синонимами детально описаны» [Там же: 94], таким образом, эта недавняя работа считает проблему морфологической синонимии практически закрытой, и это при том, что определение морфологической синонимии дано предельно кратко и явно не учитывающее всех особенностей данного явления: «морфологические синонимы – это грамматические единицы, имеющие одинаковое (близкое) денотативное и разнос коннотативное содержание» [Сорокина 2003].

Итак, работы отечественных лингвистов 1950–1990-х годов, так или иначе посвященные проблематике грамматической синонимии и вариативности, сходятся в том, что сосуществование единиц с тождественными значениями представляет собой неотъемлемое свойство языковой системы, причем, как правило, обусловленное историческим развитием языка (пафос «историзма» в противовес «неисторичности» вообще характерен для критиков структурализма, а особенно в Советском Союзе, где такая позиция отчасти поддерживалась даже официально). Причина возникновения данного феномена – сосуществование в языке моделей, возникших в различное время, либо нейтрализация семантических оппозиций между уже существующими моделями (в этом последнем случае синонимия может затрагивать не только второстепенные «синтагматические», но и базовые «парадигматические», входящие в языковую структуру значения). Особо следует отметить концепцию В.М. Жирмунского относительно различной «степени грамматизации» существующих грамматических синонимов (с этой концепцией можно сблизить «этимологические дублеты» Ярцевой). Относительно диахронической судьбы данных форм высказываются наиболее общие утверждения, согласно которым обычно такое соотношение ведет к «победе» одной из форм – как правило, более новой – но в целом процесс более или менее равноправной конкуренции синонимичных форм может растягиваться на период жизни нескольких поколений, как указывает, в частности, Горбачевич.

Понятия «синоним» и «вариант» некоторые авторы употребляют, – к сожалению, придется несколько смешать язык с метаязыком, – как полные синонимы (или, если угодно, свободные варианты). Некоторые терминологизируют эти различия, считая «синонимы» знаками с тонким семантическим различием, а «варианты» – знаками, полностью совпадающими по означаемому. Причем идея «тонких стилистических различий» – на деле больше, чем просто дань школьной традиции: подчеркивается объективно сложный и неоднородный, не связанный собственно с денотативной семантикой характер синхронного «противопоставления» между грамматическими синонимами (ср. [Dahl 2004]). Важное исчисление подобных факторов (не сводимых к недифференцируемым «стилистическим целям») мы находим у Шендельс (во многом оно предвосхищает многофакторный подход к виду и времени в [Waugh 1991] или [Thelin 1991]); здесь имеется и указание на роль дискурсивных функций в семантике денотативно совпадающих глагольных форм – предпосылки такого подхода были и у современников Шендельс, прежде всего В.В. Виноградова, но к функции глагольной словоформы в тексте как важнейшему параметру описания видо-временных значений аспектология обратится только в 1980–1990-е годы (ср. обзор данного подхода в [Петрухина 2000: 76–79; Плунгян 2004]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллатов 1991 – *В.М. Аллатов*. К вопросу о типологии оформления морфемных стыков // Морфема и проблемы типологии. М., 1991.
- Апресян 1974/1995 – *Ю.Д. Апресян*. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1995.
- Арутюнова, Кубрякова 1961 – *Н.Л. Арутюнова, Е.С. Кубрякова*. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов // М.М. Гухман (ред.). Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
- Горбачевич 1978 – *К.С. Горбачевич*. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). Л., 1978.
- Жирмунский 1976 – *В.М. Жирмунский*. Об аналитических конструкциях // В.М. Жирмунский. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Зализняк 1967 – *Л.Л. Зализняк*. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Иванова 1961 – *И.П. Иванова*. К вопросу о грамматической синонимии (на материале видо-временных форм английского глагола) // Исследования по английской филологии. Сборник II. Л., 1961.
- Карцевский 2004 – *С.И. Карцевский*. Об асимметричном дуализме языкового знака // С.И. Карцевский. Из лингвистического наследия. II. М., 2004.
- Касевич 1986 – *В.Б. Касевич*. Морфонология. Л., 1986.
- Кобозева 2000 – *И.М. Кобозева*. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Кубрякова 1991 – *Е.С. Кубрякова*. Понятие морфемы в современных лингвистических исследованиях за рубежом // Морфема и проблемы типологии. М., 1991.
- Локштанова 1996 – *Л.М. Локштанова*. Парадигматические потенции и вариативность элементов глагольных систем (на материале датского языка) // Н.Н. Семенюк (ред.). Вариативность в германских языках (функциональные аспекты). М., 1996.
- Мартине 1962 – *А. Мартине*. Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1962.
- Мельчук 1968 – *И.А. Мельчук*. Строение языковых знаков и возможные формально-смыслоевые отношения между ними // ИАН СЛЯ. 1968. № 5.
- Мельчук 1997 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. I. М.; Wien, 1997.
- Мельчук 1998 – *И.А. Мельчук*. Морфа и морфема // Н.А. Козинцева, А.К. Оглоблин (ред.). Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В.С. Храковского. СПб., 1998.
- Мельчук 2001 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. IV. М.; Wien, 2001.
- Петрухина 2000 – *Е.В. Петрухина*. Аспектуальные категории глагола в русском языке в соотношении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Пешковский 1930 – *А.М. Пешковский*. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // А.М. Пешковский. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2004 – *В.А. Плунгян*. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // А.П. Володин (ред.). Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В.С. Храковского. М., 2004.

- Розенталь 1968 – Д.Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., 1968.
- Семенюк (ред.) 1996 – Н.Н. Семенюк (ред.). Вариативность в германских языках (функциональные аспекты). М., 1996.
- Скаличка 1935/1967а – В. Скаличка. Асимметричный дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Скаличка 1935/1967б – В. Скаличка. О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Скрепина 1987 – Л.М. Скрепина. Грамматическая синонимия: учебное пособие к спецкурсу. Л., 1987.
- Сорокина 2003 – Т.С. Сорокина. Функциональные основы теории грамматической синонимии // ВЯ. 2003. № 3.
- Улуханов 1977 – И.С. Улуханов. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Шапиро 1955 – А.Б. Шапиро. Некоторые вопросы теории синонимов // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР. № 8. 1955.
- Шендерльс 1959 – Е. И. Шендерльс. Понятие грамматической синонимии // ФН. 1959. № 1.
- Шендерльс 1970 – Е.И. Шендерльс. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.
- Якобсон 1932/1985 – Р.О. Якобсон. О структуре русского глагола // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1936/1985 – Р.О. Якобсон. К общему учению о падеже // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Ярцева 1957 – В.Н. Ярцева. О грамматических синонимах // Романо-германская филология. Вып. 1. Л., 1957.
- Ярцева (ред.) 1979 – В.Н. Ярцева (ред.). Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
- Ярцева 1979 – В.Н. Ярцева. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка // Ярцева (ред.). Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
- Aronoff 1976 – M. Aronoff. Word formation in generative grammar. Cambridge (Mass.), 1976.
- Blevins 2000 – J.P. Blevins. Markedness and agreement // Transactions of the philological society. V. 98. № 2. 2000.
- Calvano, Saltarelli 1979 – W.J. Calvano, M.D. Saltarelli. The morphological meaning of phonological rules // Lingua. V. 48. 1979. № 1.
- Croft 2000 – W. Croft. Explaining language change: an evolutionary approach. Harlow, 2000.
- Dahl 2004 – Ö. Dahl. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam, 2004.
- Haiman 1985 – J. Haiman. Natural syntax: Iconicity and erosion. Cambridge, 1985.
- Harris 1942 – Z.S. Harris. Morpheme alternants in linguistic analysis // Language. V. 18. 1942. № 1.
- Hockett 1947 – Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis // Language. V. 23. 1947. № 3.
- de Hoop et al. 2004 – H. de Hoop, M. Haverkort, M. van den Noort. Variation in form versus variation in meaning // Lingua. V. 114. 2004.
- Kiparsky 1983 – P. Kiparsky. Word-formation and the lexicon // F. Ingemann (ed.). Proceedings of the 1982 Mid-America linguistics conference. Lawrence (Kansas), 1983.
- van Marle 1985 – J. van Marle. On the paradigmatic dimension of morphological creativity. Dordrecht, 1985.
- Martinet 1955 – A. Martinet. Economic des changements phonétiques. Berne, 1955.
- Miller 1993 – D.G. Miller. Complex verb formation. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Nida 1949 – E. Nida. Morphology: The descriptive analysis of words. Ann Arbor, 1949.
- Paul 1896 – H. Paul. Über die Aufgaben der Wortbildungslinie // Sitzungberichte der königlich bayrischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische Classe. München, 1896.
- Pinker 1999 – S. Pinker. Word and rules: the ingredients of language. London, 1999.
- Rainer 1988 – F. Rainer. Towards a theory of blocking: the case of Italian and German quality nouns // G. Booij, J. van Marle (eds.). Yearbook of morphology. Dordrecht, 1988.
- Thelin 1991 – N. Thelin. On the concept of time: Prolegomena to a theory of aspect and tense in narrative discourse // L. Waugh, S. Rudy (eds.). New vistas in grammar: Invariance and variation. Amsterdam, 1991.
- Waugh, Rudy (eds.) 1991 – L. Waugh, S. Rudy (eds.). New vistas in grammar: Invariance and variation. Amsterdam, 1991.
- Waugh 1991 – L. Waugh. Tense-aspect and hierarchy of meanings: pragmatic, textual, modal, discourse, expressive, referential // L. Waugh, S. Rudy (eds.). New vistas in grammar: Invariance and variation. Amsterdam, 1991.
- Williams 1997 – E. Williams. Blocking and anaphora // Linguistic inquiry. V. 28. 1997. № 4.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2008 г. Д.В. СИЧИНАВА

СИНОНИМИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ЛИНГВИСТИКИ XIX–XXI ВЕКОВ. II. ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИЕ ПОДХОДЫ*

1. ТЕОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

Привлечением внимания к морфологической синонимии (и в том числе синонимии глагольных категорий) лингвистика конца XX века обязана значительному прогрессу в типологическом исследовании грамматических значений. Если структурализм (особенно дескриптивизм, пренебрегавший семантикой вообще) фактическиставил под сомнение возможность межъязыкового сопоставления схожих грамматических категорий и граммем, то начиная с 1970-х годов возможность обобщений в области семантики глагольных категорий была убедительно продемонстрирована в целом ряде работ, прежде всего в монографиях Бернарда Комри [Comrie 1976; 1985]; из отечественных работ нужно назвать прежде всего «К основаниям сопоставительной аспектологии» и «Очерки по аспектологии» Ю.С. Маслова [Маслов 1978/2004; 1984/2004]. В 1980-е годы получает также новое развитие так называемая теория грамматикализации, согласно которой грамматические показатели в языках мира диахронически восходят к лексическому материалу (а сама грамматикализация, соответственно, может быть определена как «процесс перехода от лексем к грамматическим формативам» [Lehmann 1982/1995: vii]). Об истории понятия грамматикализации (в том числе и в отечественных работах), о сущности этого процесса с семантической и синтаксической точек зрения, о спорах вокруг частных теоретических вопросов и о критике теории грамматикализации ныне и на русском имеется хороший и подробный обзорный очерк в [Майсак 2005: 23–82]. Далее мы обсуждаем по возможности кратко лишь то, что в рамках этой теории имеет непосредственное отношение к нашей проблематике – к синхронному сосуществованию грамматических форм с близкой и тождественной семантикой.

Элементы такого подхода имеются уже в доструктуралистском языкоznании (а также в лингвистике более позднего периода, развивавшейся вне структуралистских школ). Они представлены, в частности, в работах таких классиков лингвистики, как В. фон Гумбольдт, А. Мейс (предложивший сам термин «грамматикализация» [Meillet 1912: 131, 133] и определивший ее как «переход от автономного слова к грамматическому элементу»), систематически апеллировавший к грамматикализации при исследовании индоевропейского материала Е. Курилович. В отечественном языкоznании одним из первых о «грамматизации» писал (используя этот термин) акад. В.М. Жирмунский. В ра-

* Начало статьи см. ВЯ. 2008. № 3.

боте [Жирмунский 1963/1976: 88]¹ дается такое определение «грамматикализации»: она «представляет результат абстрагирования (иногда более, иногда менее полного) от конкретного лексического (предметного) значения, которое первоначально имело служебное слово»; с этой точки зрения анализируются (как «более» или «менее» грамматикализованные) аналитические конструкции европейских языков. Результаты его работ по грамматикализации были опубликованы и на Западе [Žirmunskij 1966] и повлияли на дальнейшие исследования в этой области (ср. [Lehmann 1982/1995: 5–6 et passim]); о проблематике грамматикализации в работах советских лингвистов 1960–1980-х годов (В.Н. Ярцевой, В.Г. Гака, Б.А. Серебренникова и др.) см. в [Майсак 2005: 30–36].

На новый уровень данная проблематика выведена в серии работ, из которой наиболее значительны монографии [Lehmann 1982/1995; Heine et al. 1991; Horpeter, Traugott 1993; Bybee et al. 1994]. В рамках теории грамматикализации П. Хоппером было предложено понятие «наслаждения» («layering»)² – это синхронное сосуществование в языке морфологических единиц, принадлежащих различным этапам грамматикализации, и/или единиц с близкими значениями, возникших параллельно; данная метафора уже существовала в лингвистике (см. подробнее следующий раздел), однако обычно не связывалась с идеей грамматикализации лексических показателей.

Принципиальными для создания новой научной парадигмы стали предпринятые независимо, с привлечением разных методик, типологические исследования [Bybee 1985] и [Dahl 1985], давшие ряд принципиально сходных обобщений относительно корреляции семантики и морфологического устройства; авторы этих исследований выступили с совместной статьей [Bybee, Dahl 1989], в которой представили также и более подробные обобщения относительно диахронической судьбы видо-временных систем. Было, в частности, установлено, что аналогичные видо-временные формы в разных языках образуются путем независимого, типологически устойчивого развития из различного рода лексических источников. В процессе исследований, с одной стороны, Дж. Байби и ее соавторов, а с другой стороны, Э. Даля, подтвердилась возможность развития в одном и том же языке нескольких грамматических показателей одного и того же типа, принципиально близкая независимой грамматикализации лексем в различных языках. Принцип «наслаждения», предложенный Хоппером, включен в понятийный аппарат обобщающей работы [Bybee et al. 1994].

2. «ВАРИАТИВНОСТЬ» И «НАСЛАДЖЕНИЕ» КАК ФАКТОРЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ: РАБОТЫ ЛЕМАНА, ХОППЕРА И ТРАУГОТА

Уже в работе Х. Лемана [Lehmann 1982/1995] обсуждается проблема сосуществования конкурирующих форм в процессе грамматикализации, которая, как отмечает исследователь, ведет к резкому ограничению пространства возможностей выбора средств выражения, к превращению открытых лексических классов в замкнутые парадигмы (так называемые «парадигматизации» [Lehmann 1982/1995: 120]). Подход Лемана к данному явлению сохраняет структуралистские черты: так, возникающая при грамматикализации вариативность, по его мнению, самоустраниется: «Потеря семантических различий в пределах парадигмы может означать, что формы, ранее противопоставленные друг другу, становятся вариантами. Иногда один вариант не совершенно изгоняет другой из языка, но один из них становится закрепленным за одними лексемами, а другой за другими» [Там же]. К диахроническим следствиям конкуренции двух вариантов автор

¹ Здесь и далее цит. по последнему изданию.

² Термин «layering», употребительный в теории грамматикализации, не следует смешивать с термином «layering», употребительным в нидерландской школе функциональной грамматики: так, в [Dik 1997] говорится о «слоевой структуре простого предложения» (*layered structure of the clause*), где под «слоями», «layers», разумеются различные компоненты предложения («грамматические и лексические модификаторы»), уровни его структуры.

относит алломорфию (которую понимает дескриптивистски, как дополнительное распределение синонимичных морфем) и супплетивизм.

Среди критериев грамматикализации (и степени «грамматикализованности» той или иной морфемы) Х. Леман выделяет «парадигматическую вариативность». Она определяется им как «свобода, с которой говорящий выбирает некоторый знак» [Там же: 123]. Существует два типа такого выбора – между двумя различными элементами некоторой парадигмы («интрапарадигматическая вариативность») и между выраженностю и невыраженностю того или иного грамматического значения («транспарарадигматическая вариативность»). Однако Леман подчеркивает, что среди явлений, связанных с интрапарадигматической вариативностью, «интерес для нас представляют не свободное варьирование, а выбор между альтернативами, между которыми имеется противопоставление. Свободное варьирование не коррелирует со степенью грамматикализации и, вероятно, не коррелирует вообще ни с чем, поскольку оно в принципе несистемно. Выбор же между противопоставленными членами парадигмы диктуется грамматикой в той степени, в которой вся данная парадигма грамматикализована. Тем самым по мере усиления грамматикализации интрапарадигматическая вариативность уменьшается» [Там же]. Здесь также очевидны следы структуралистского подхода; интерес представляют и доступны объяснению только системные факты, которые могут быть представлены в виде оппозиции; свободное же варьирование представляет собой языковой хаос, который не может быть сопоставлен ни с каким иным релевантным лингвистическим параметром (а, следовательно, невозможны и связанные с ним типологические обобщения).

Решающий шаг в сторону постструктуралристской трактовки синонимии грамматических форм сделан П.Дж. Хоппером. Феномен синхронного сосуществования диахронически «старых» и «новых» форм, а также сосуществования образовавшихся параллельно форм с близкой дистрибуцией выделен как важный и неотъемлемый фактор грамматикализации в статье [Hopper 1991]; там же для этого явления был предложен получивший распространение в англоязычной лингвистике термин «layering», букв. «наслаждение»³.

Собственно, данный общеязыковой принцип и данная метафора (восходящая к популярной в XIX веке «естественно-научной», конкретнее – «геологической» модели языка) не являются, конечно же, ни в коей мере изобретением Хоппера: о «слоях языка» – элементах, возникших в разное время и сосуществующих в синхронном состоянии – лингвисты писали на протяжении всего столетия, предшествовавшего расцвету теории грамматикализации. Уже у И.А. Бодуэна де Куртенэ, за 120 лет до цитируемой работы, мы находим следующее положение, выступающее частью «принципа генетической объективности»: «Данный язык не родился внезапно, а происходил постепенно в течение многих веков: он представляет результат своеобразного развития в разные периоды. Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями: применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения» [Бодуэн де Куртенэ 1871/1963: 67], а в связи с исследованием речи пациента-афатика Бодуэн говорит: «Как и во всех языках, как вообще во всем, что развивается, в языке В. М-го можно различить наследия, возникшие в разные периоды времени» [Бодуэн де Куртенэ 1871/1963:

³ Вообще говоря, он отнюдь не общепринят даже в основных работах по грамматикализации, хотя и используется в значительном числе статей, ориентирующихся на теоретический подход Хоппера, Траугот и особенно книги [Bybee et al. 1994]. Не употребляет термина «layering» Э. Даль (неоднократно обсуждающий данную проблематику под другими названиями, особенно в [Dahl 2004]); М. Хаспельмат предпочитает термин «множественная грамматикализация» (см. конец этого раздела), не апеллируют к «наслаждению» и работы Б. Хайне и соавторов.

145]. Э. Бенвенист, обсуждая синонимию французских глагольных форм, замечает: «Задача состоит, таким образом, в том, чтобы найти в синхронной картине глагольной системы современного французского языка отношения, связывающие различные временные формы. Истинная природа искомых связей приоткрывается в том месте, где, как на горном склоне, глубинные слои выходят на поверхность. Существует точка, в которой система становится непозволительно избыточной; это временное выражение “прошедшего”, располагающее двумя формами» и т. п. [Бенвенист 1959/1974: 271]. Заслуга Хоппера заключается скорее в том, что данный принцип поставлен им в непосредственную связь с теорией грамматикализации и оторван от господствовавшего в структуралистский период требования непременного поиска структурных оппозиций между элементами сосуществующих слоев. Специфическая роль наслаждания, универсального в принципе свойства языка, для принципов грамматикализации сформулирована сотрудницей и соавтором Хоппера, Э.К. Траугот: «Насаждение важно для грамматикализации в том смысле, что оно позволяет исследователю: а) допускать на ранних этапах языка полисемию, а не омонимию (даже если конструкция *be going to* уже не полисемична, оказывается, что она была таковой на протяжении раннего новоанглийского периода), б) признать, что некоторые показатели, имеющие разные функции в разных контекстах, исторически родственные» [Traugott 2001: 5]. Как увидим, важность данного принципа в контексте эволюции грамматических показателей отнюдь не сводится к этим двум положениям.

Примечательно, что в указанной статье [Horger 1991], где перечисляется пять принципов грамматикализации, принцип «наслаждения» занимает первое место среди них. Он сформулирован следующим образом: «В пределах некоторой широкой функциональной области постоянно возникают новые слои, при этом старые не обязательно выходят из употребления, но могут сосуществовать и вступать во взаимодействие с новыми слоями» [Там же: 22].

Из дальнейшего следует, что речь идет о полной синонимии и квазисинонимии способов выражения в грамматике: «Принцип наслаждения отсылает к тому капитальному факту, что очень часто в некотором языке существует более одного способа выражения (*technique*) схожих или даже синонимичных функций» [Там же: 23]. Упоминаются и различные степени дополнительной дифференциации этих вариантов, причем учитываются не только семантические, но и социолингвистические параметры: «Они могут ограничиться отдельными лексическими единицами, особенностями классами конструкций или социолингвистическими регистрами; они могут иметь незначительно разные значения или попросту признаваться “стилистическими вариантами”» [Там же]. Указывается здесь и на то, что данная ситуация не обязана быть ограничена незначительным «переходным периодом»: «Иногда наслаждение представляет лишь переход от одного способа выражения к другому, но оно может быть также вполне устойчивым» [Там же].

В качестве иллюстрации этого феномена Хоппер приводит фрагмент системы видовременных показателей английского глагола [Там же], аналогичный список также в [Horger, Traugott 1993: 125]. Здесь можно выделить несколько различных типов «наслаждения» показателей. К «разнообразию форм и конструкций» Хоппер относит, в частности, дополнительно распределенные полностью синонимичные показатели, которые, например, в традиции дескриптивизма считались бы алломорфами одной морфемы (маркирующие Past Indefinite перегласовка корня вида *take-took* и регулярное окончание правильных глаголов *-ed: look-looked*). Список включает и выражающие близкие значения, но дополнительно никак не распределенные грамматикализованные конструкции, как общего (*keep V-ing – keep on V-ing*), так и различного происхождения (*be -ing – keep -ing*). К примерам «наслаждения» в глагольной системе в [Horger, Traugott 1993] также отнесено аналитическое будущее (вида *cantare habet*) в поздней латыни, существовавшее сравнительно долго со старым синтетическим футурумом (*cantabit*). Отмечено, что и в английском языке «особенно богато представлены... оттенки “будущего времени”» [Horger 1991: 23]: конструкции с *will, be going + to, be -ing, be to* и *be about + to*. Важное обобщение здесь делается не только относительно семантики форм, подверженных

«наслаиванию», но и относительно их структуры: «все формы, входящие в последние две группы (аналитические видовые формы и формы будущего времени. – Д.С.), используют перифрастические конструкции, что свойственно самому недавнему слою грамматикализации». Кроме того, «необязательно, чтобы все слои диахронически отличались один от другого»: в качестве примера приводятся конструкции со значением будущего времени *to be + to* и *will + инфинитив*, которые обе существовали в древнеанглийском (и возникли приблизительно одновременно).

Автор делает следующий вывод, полемичный по отношению к структурализму: «Подобное загромождение (*cluttering*) грамматики функционально схожими конструкциями, которое, возможно, на протяжении долгого времени наследуются из предыдущих состояний языка и даже создаются заново, непросто примирить с представлением о языке как о гомогенном, четко выстроенным и разграниченном объекте» [Hopper 1991: 24].

Дополнительный, более подробный анализ «наслаивания» предпринят П. Хоппером в его совместной с Э.К. Траугот книге [Hopper, Traugott 1993]. Объем этого понятия, как будет видно из дальнейшего, несколько шире, чем рассматриваемое в настоящей работе явление синонимии грамматических показателей. Определение интересующего нас понятия дается следующим образом: «Сохранение более старых форм и значений наряду с более новыми вызывает в любом синхронном срезе эффект, который можно назвать «наслаиванием» или «вариативностью» (*variability*)» [Hopper, Traugott 1993: 124]. «Наслаивание – это синхронный результат последовательной грамматикализации форм, принадлежащих к одной и той же [функциональной] области. В любом отдельно взятом языке в пределах одной функциональной области имеются значительные синхронные разнообразия» [Там же: 125].

К «наиболее очевидным» случаям наslaивания Хоппер и Траугот относят случаи, когда «сосуществуют полная и редуцированная форма, родственные формально и лишь минимально дифференцированные семантически». Кроме того, может существовать «разнообразие форм и конструкций, выполняющих похожие, хотя и не идентичные, функции» [Там же].

Кроме того, к феномену «наслаивания», согласно Хопперу и Траугот, относится и период сосуществования языковых единиц в процессе диахронического перехода от одной единицы к другой. Сформулированные авторами принципы затрагивают не только проблематику грамматикализации, но и принципы языковой эволюции (диахроническую лингвистику) вообще:

«Старые и новые формы сосуществуют, как с точки зрения отдельных говорящих, так и с точки зрения языкового коллектива, на протяжении времени. По-видимому, А может “стать” В только после промежуточной стадии, в продолжение которой А и В сосуществуют:

$$A > \left\{ \begin{matrix} B \\ A \end{matrix} \right\} > B$$

Подобное сосуществование... может продолжаться на протяжении нескольких сот лет, как в случае показателя *bé* в языке эве или английской конструкции *be going to*. Но оно может быть и очень кратким, как в случае среднеанглийских регрессивных глаголов *stint* и *fin* (примерно означавших ‘бросить делать что-л.’, ‘прекратить делать что-л.’), которые прошли быстрое развитие и быстро вышли из употребления» [Hopper, Traugott 1993: 125].

В этом случае, как ясно из примеров, на которые ссылаются Хоппер и Траугот, – выше они подробно разбирают оба эти случая, – под «наслаиванием» имеется в виду не синонимия нескольких показателей, а именно диахронически обусловленная полисемия одного и того же морфологического материала, который сохраняет и старое лексическое (эве *bé* ‘говорить’, англ. *be going to* ‘идти (прогрессив)’), и новое морфологическое (показатель зависимой предикации *bé* в эве, показатель проспектива *be going to* в ан-

глийском). Вместе с тем для показателей зависимой предикации в эве (и ряде других языков ква) характерна, как упоминается в той же работе [Там же: 126], также и синхронная синонимия, связанная с различными путями грамматикализации⁴.

Кроме того, обсуждаемый феномен в понимании Хоппера и Траугот относится не только к морфологии, но и к некоторым синтаксическим явлениям, граничным с морфологией. Таковы, помимо только что упомянутых синонимичных подчинительных союзов в языке эве, также альтернативные – финитная и нефинитная – стратегии кодирования сентенциального актанта в эстонском (тип соотношения, известный очень многим языкам, вида *слуга, подметающий комнату vs. слуга, который подметает комнату*) [Там же: 125–126].

Процесс смены «старого» «новым» представлен авторами так: «В обычном случае грамматикализация не приводит к заполнению какой бы то ни было очевидной функциональной лакуны. Напротив, грамматикализовавшиеся формы конкурируют с уже существующими конструкциями, настолько близкими к ним по функции, что едва ли можно рассматривать объяснение, апеллирующее к «заполнению лакуны» – никакой очевидной лакуны, которую надо было бы заполнить, просто нет... В продолжение любой фазы сосуществования форм существуют некоторые контексты, в которых оба (или все, если их более двух) рассматриваемых типа проявляют четкое прагматическое различие. Часто бывает так, что одна из конкурирующих форм начинает преобладать, и, возможно, ее набор значений включает в себя значения вытесняемых ею форм. Таким образом, исторически преемственные сообщества говорящих на протяжении долгого времени могут поддерживать, путем постоянного обновления форм, некоторую грамматическую категорию – такую, как будущее время, – в то время как в другом сообществе говорящих эта категория так никогда и не появляется» [Там же: 126]. Ср. также краткую формулировку в обзорной статье [Horrege 1996: 230]: «Грамматикализация осуществляется не посредством устранения старых форм и заменой их на новые, но путем заполнения <семантического поля> весьма тонко дифференцированными формами, которые все имеют приблизительно одно и то же значение».

Разумеется, принцип «наслаивания» в понимании Хоппера и Траугот не ограничивается исключительно историей грамматических категорий; здесь можно сослаться на статью одного из соавторов, где она указывает: «Наслаивание – это феномен, связанный со всяким изменением, фонологическим, морфосинтаксическим или семантическим (это попросту принцип вариативности, а в семантике – принцип полисемии); следовательно, в нем нет ничего специфически свойственного однонаправленности <как свойству грамматикализации>» [Traugott 2001: 4].

Одна из синонимичных форм может вытеснить остальные или оттеснить их на маркированную периферию; этот процесс авторы называют «специализацией». «Специализация – процесс сокращения пространства возможностей для выбора грамматической формы, по мере того как значения форм все более и более обобщаются» [Horrege, Traugott 1993: 116].

В качестве примера специализации в [Horrege 1991: 26–27] и [Horrege, Traugott 1993: 116] приводится история показателей отрицания во французском языке. В старофранцузском существовал ряд грамматикализованных показателей «второго» отрицания (употребляющихся после глагола, первоначально как усилитель препозитивного отрицания *ne*, затем обязательно): *pas* ‘шаг’, *point* ‘точка’, *mie* ‘крошка’, *gote* > *goutte* ‘ капелька’, *areste* > *arête* ‘рыбья кость’, *amende* > *amande* ‘миндаль, ядро ореха’ и несколько других; к настоящему времени сохранились только отрицания *pas* и *point*, из которых *pas* нейтрально, а *point* эмфатически маркировано (‘отнюдь’, ‘ничуть’), а также не упо-

⁴ Феномен активного «наслаивания» нескольких конкурирующих грамматических показателей неоднократно описывался в языках группы ква (семья нигер-конго): ср. анализ синонимии результативно-посессивных конструкций эве в [Heine 1997: 130 и сл.], наличие нескольких форм плюсквамперфекта в акан [Dahl 1985].

минаемое нашими авторами *guère* ‘не очень, немного’ (первоначально ‘много’, ‘очень’ без отрицания).

Учитывая феномен «наслаивания», авторы указывают, что «специализация не обязательно влечет за собой устранение альтернатив, но может выражаться просто как текстуальное предпочтение, обусловленное семантическими типами, социолингвистическим контекстом, жанром дискурса и другими факторами» [Hopper, Traugott 1993: 116].

Следует снова отметить, что принцип языкового изменения, согласно которому «новое» не в одночасье приходит на смену «старому», а некоторое время (возможно, долгое) существует и конкурирует с ним, – неоднократно высказывался в языкоznании досструктуралистского периода, ориентированном прежде всего на диахронию; напомним, что и сам термин «грамматикализация» возник в рамках этой же традиции (в работах А. Мейе). Мы уже указывали на аналогичные суждения И.А. Бодуэна де Куртенэ; понятие «специализации» заимствовано Хоппером и Траугот, как они и сами указывают, из работ выдающегося французского лингвиста, основателя семантики как самостоятельной лингвистической дисциплины, М. Бреала.

В качестве же параллели к представлению о языковых изменениях в теории грамматикализации можно привести, например, взгляды на «морфологические» (морфосинтаксические) изменения в языке швейцарского лингвиста начала XX в. А. Сеше. В начале своей научной деятельности – историк языка, впоследствии Сеше стал одним из основателей синхронистического структурализма (и одним из двух «редакторов»-соавторов «Курса общей лингвистики», изданного под именем Ф. де Соссюра). Его книга «Программа и методы теоретической лингвистики» [Sechehaye 1908], наряду с некоторыми идеями, получившими впоследствии развитие в структурализме, содержала и важные наблюдения относительно сущности языковых изменений («эволютивной лингвистики»). Некоторые пассажи из этой работы прямо перекликаются с тем, что мы находим у современных авторов, работающих в рамках теории грамматикализации.

Полемизируя – так же, как и Хоппер и Траугот 85 лет спустя – с теорией, согласно которой морфологические изменения «заполняют лакуну» в языке, Сеше говорит: «Можно ли представить себе, что имеется в виду, когда говорят, что язык якобы создает новый способ выражения для замены им другого, вышедшего из употребления? Это предполагает идею лакуны, которую оставило нечто существовавшее и больше не существующее, и обдуманный поиск средств, чтобы эту лакуну заполнить – и то и другое явно противоречит психологическому правдоподобию» [Сеше 2003: 147].

Далее этот тезис развивается на конкретном примере: «Утверждают, что закон падения конечных безударных слогов вызвал в романских языках исчезновение падежных окончаний имени, и что это привело к созданию новых синтаксических средств: употребления определенных предлогов и фиксированного порядка подлежащего и дополнений относительно глагола. Но что касается употребления предлогов, вся кому известно, что оно существовало гораздо ранее падения окончаний. Предлоги уже употреблялись в классической латыни, и их использование сочеталось с использованием падежей; лишь в народной латыни употребление тех предлогов, которым предстояло заменить падежи, становилось мало-помалу регулярным. [...] Из этого следует, что словоизменение еще существовало как формальная система, однако его роль была сведена к достаточно бесполезному дублированию предлога, который сам по себе четко выражал падежное отношение. [...] Задолго до того, как исчезло само воспоминание о различных косвенных падежах латинского языка, их собственное значение было утрачено. Их роль всецело переняли предлоги, и именно ненужность падежей, представлявших собой избыточное усложнение грамматики, и повлекла их исчезновение. [...] Разумеется, это явление доступно нашему прямому наблюдению лишь в письменном языке, но это не ставит под сомнение наш вывод о том, что в тот момент, когда склонение исчезло, его заменитель уже был найден» [Сеше 2003: 147–149].

Здесь идет речь именно о длительном периоде конкуренции двух синонимичных конструкций, а языковое изменение трактуется как отказ от старой конструкции, которая

становится избыточной. Таким образом, теоретические обобщения, выявленные еще традиционным историческим языкознанием, сохраняют свою силу и в рамках теории грамматикализации. В 2004 г. Э. Даль в своей книге «Рост и поддержание языковой сложности» возвращается к проблематике языковых изменений и, в частности, к аргументации Хоппера и Траугот против «идеи лакуны»; здесь мы видим даже в точности тот же самый пример, что и у Сеше сто лет назад: «В литературе распространение новой конструкции или формы часто связывают с коммуникативными потребностями говорящего. При этом часто утверждается, что старая конструкция уходит со сцены до того, как является новая: например, падежные окончания исчезают и вместо них должны появиться предлоги... Прежде всего, если конструкции, о которых идет речь, действительно нужны для коммуникации, как же говорящие на этом языке обходятся без них в промежуточный период?» [Dahl 2004: 125].

В более ранней работе, чем обсуждаемая книга Даля, М. Хаспельмат [Haspelmath 2000] также подробно критикует «теорию лакун» и, в частности, обсуждает феномен «наслаждения» (в статье используется термин «множественная грамматикализация», *multiple grammaticalization*) как контрапункт против такого подхода, причем приводит и примечательные положения общетеоретического характера. «Лингвисты нередко думают о грамматических элементах как о членах множества неизменных платоновских идей, которые язык может выражать либо не выражать. Но такой подход не только не оправдывает необычайно четкие различия между похожими категориями в разных языках, но и не объясняет, почему грамматикализация постоянно создает конструкции, более старое средство выражения которых уже существует в том же языке и не проявляет признаков вымирания» [Там же: 792]. В качестве примеров приводятся, в частности, старые и новые формы будущего в английском и французском, аорист и имперфект, существующий с перфективом и имперфективом в болгарском, а также старые и новые согласовательные показатели в итальянских диалектах. Все эти случаи показывают, что нормальным механизмом смены моделей является их конкуренция, а не период «междуречия», когда старое средство выражения пропало, например, вследствие фонетической редукции (как предполагали и оппоненты Сеше, и оппоненты Хаспельмата), а новое средство выражения еще не отыскалось.

Теоретические исследования 1980-х годов, исходной точкой которых послужила диахроническая эволюция, создающая грамматические показатели, – получили решительную поддержку в исследованиях, исходной точкой которой послужила синхронная типология глагольных систем.

3. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

Теоретические принципы грамматической типологии, независимо (с использованием разных методик) выработанные в монографиях [Dahl 1985] и [Bybee 1985], а затем развитые в совместной статье этих авторов [Bybee, Dahl 1989] и книге [Bybee et al. 1994], названы одним из них «подход Байби–Даля» («B&D approach», [Dahl 2000: 6–8]). Согласно Э. Даля, данный подход «отличается от большинства других исследований времени и аспекта тем, что в качестве основных единиц описания выступают не “категория времени” и “категория аспекта”, а то, что мы называем грамматическими показателями (*grams*), то есть такие явления, как прогрессив в английском, *passé simple* во французском и т.п.» [Там же: 7]. «Как правило, грамматические показатели, которые традиционно были бы отнесены к одной и той же категории, ведут себя совершенно различным образом в зависимости от того, каким образом они выражены в языке» [Там же].

Другим важным понятием, используемым при данном подходе, является «тип грамматического показателя в языках мира» (*crosslinguistic gram type*), который, однако, не представляет собой элемента некоторого абсолютированного универсального «алфавита грамматических показателей», но, скорее, статистически наиболее вероятные области в пространстве «грамматических возможностей» [Там же]. Здесь демонстрируется также и связь «подхода Байби–Даля» с теорией грамматикализации: тип грамматиче-

ского показателя можно также рассматривать как «стабильные участки на пути развития, которые показатели проходят в процессе грамматикализации» [Там же].

Проблема синонимии грамматических категорий входит в число теоретических проблем, затронутых уже в работе [Dahl 1985], одной из основополагающих в рамках данного подхода. В число методологических установок своего исследования, проводившегося при помощи специально разработанных анкет, Э. Даль включает требование поверхностного анализа (*superficiality*): «Действительно, мы старались сделать наш анализ как можно более “поверхностным” в том смысле, что во всех случаях, когда перед нами при идентификации категорий стоял выбор между критерием значения и критерием выражения, мы выбирали последний. Иными словами, если две формы, как казалось, имели одну и ту же семантику, хотя и различались по выражению, мы предпочитали разделять их. Причиной этого было то, что отождествив две, на первый взгляд, семантически идентичные категории, мы могли в действительности скрыть различия, которые выявились бы по мере проведения более глубокого анализа. В качестве примера можно привести такие языки, как немецкий, где различные вспомогательные глаголы (*haben* и *sein*) используются при образовании перфекта от различных глаголов. Отождествить эти два типа перфекта – значило бы скрыть тот факт, что выбор между ними в действительности зависит от семантических критериев» [Dahl 1985: 46–47]. Здесь целью Даля является дополнительная дифференциация форм с одинаковым базовым значением (= квазисинонимов), в том числе и дополнительно распределенных⁵; однако такая методология исключает пропуск или намеренное игнорирование синонимических (как полностью, так и частично) форм глагольной парадигмы. И действительно, материал его исследования включает некоторое количество форм с одинаковым базовым значением – как дифференцированных, так и полностью синонимичных.

Следующими шагами в теоретическом осмыслении грамматических синонимов стала уже упоминавшаяся работа [Bybee, Dahl 1989] и посвященная грамматикализации глагольных форм монография [Bybee et al. 1994], где дополнительно подкреплены некоторые обобщения, полученные в первой из названных работ. Здесь указан важный теоретический принцип, согласно которому «теория грамматикализации в том виде, в каком мы ее здесь излагаем, предсказывает отсутствие корреляции между структурными и семантическими классами; действительно, если каждый показатель проходит путь развития в соответствии со своим изначальным значением, то он развивается независимо от других показателей» [Bybee, Dahl 1989: 61]. Таким образом, отвергается жесткая зависимость грамматической семантики от структурных отношений в рамках системы. На ряде примеров – две перфектные конструкции в германских языках, несколько показателей семантической зоны будущего в английском языке – формулируется принципиальное положение о том, что при конкуренции нескольких путей грамматикализации в одном и том же языке возможна «частичная конвергенция показателей из различных источников» [Там же: 96] – иными словами, несколько возникающих параллельно показателей в ходе семантического обобщения сближаются по значению и образуют несколько синонимичных форм (возможно, с дифференциацией или даже дополнительным распределением).

⁵ Заметим, что в действительности некоторые синонимичные формы с дополнительным распределением Даля все же исключает из своего анализа. Обсуждая проблемы установления соответствий между «ярлыками», приписываемыми тем или иным контекстам видо-временной анкеты, и «видо-временными категориями», автор указывает, что в некоторых случаях он вынужден был устранить из рассматриваемого материала одну из двух параллельных форм; парадоксальным образом речь идет в точности о том же примере, который обсуждался им выше: «Я обнаружил, что следует несколько модифицировать четкий принцип поверхностного анализа, упомянутый на с. 46: это касается языков, где имеется лексически обусловленный выбор между несколькими вспомогательными глаголами, маркирующими Перфект. Чтобы получить категории, более подходящие для типологического сравнения, я решил свести (reduce) их к одной категории для каждого языка» [Dahl 1985: 53].

Среди основных выводов статьи – «на одном этапе в одном и том же языке могут существовать грамматические показатели, близкие друг к другу семантически; например, не является необычным то, что некоторый язык имеет более одного показателя со значениями, связанными с будущим» [Там же: 96].

Специальный теоретический параграф посвящен обсуждаемому явлению в [Bybee et al. 1994: 8]. Дж. Байби, Р. Перкинс и В. Пальюка принимают понятие «наслаждения» (*layering*), введенное П. Хоппером, и считают его одним из главных факторов эволюции морфологических систем. Более четко, чем в работе 1989 года, подчеркивается роль семантического обобщения в развитии синонимичных форм: «Грамматическим классам также свойственно дальнейшее сокращение объема. <...> Это заметно в таких случаях, как конкуренция в английском языке между *shall* и *will*, которые принадлежат к одному и тому же классу и выполняют схожие функции. В американском английском *will* в значительной части вытеснило *shall*. Подобное развитие представляется следствием семантического обобщения. Когда значение некоторого грамматического показателя обобщается, он становится допустимым в контекстах, где ранее, возможно, уже употреблялся другой показатель» [Bybee et al. 1994: 20]. Наиболее типичным следствием такого развития является квазисинонимия: «Действительно, особенно в таких областях, как выражение будущего времени и модальности, нередко случается множество грамматикализованных и грамматикализирующихся конструкций разного возраста и из разных источников, которые делят пересекающиеся зоны или ведут конкурентную борьбу за них» [Там же].

Несмотря на конкуренцию, ведущую к дополнительной дифференциации и/или конвергенции форм, глагольные системы с синонимией подобных форм являются достаточно устойчивыми. «Наши данные ясно показывают, что в одном языке может быть более одного грамматического показателя, представляющего один и тот же тип грамматических показателей, например, будущее. Английский язык, располагающий тремя будущими – *will*, *shall* и *going to* – с этой точки зрения скорее типичный, чем нетипичный пример» [Там же]. Байби и ее соавторы также указывают, что «развитие нового показателя не зависит от утери или изменения функции его предшественников, как часто предполагается при традиционном подходе к (языковым) изменениям» [Там же: 20]. Полная дифференциация таких пар совершенно не обязательна: «контрасты между грамматическими показателями могут и не представлять собой максимальные контрасты» [Там же: 174].

Естественным выводом из вышесказанного является утверждение принципиального сходства синонимических отношений, устанавливаемых на множестве грамматических показателей, с одной стороны, и единиц иных языковых уровней, с другой стороны. Это заставляет пересмотреть традиционный взгляд, согласно которому система структурных различий является для грамматических значений – в отличие от всех прочих – фундаментальным характеризующим свойством (хотя тот очевидный факт, что грамматическим значениям в языках мира действительно присуща большая структурированность сравнительно с иными, под сомнение не ставится): «Подобное богатство множественных грамматических показателей напоминает то, каким образом референциальное пространство может делиться в данной области между кластерами лексических единиц, альтернативными фразовыми идиомами и даже альтернативными синтаксическими структурами; существование нескольких грамматикализаций на одном и том же пути и сохранение лексического содержимого предыдущих этапов – вот две причины, побуждающие нас рассматривать “систему” или “структуру” скорее как эпифеноменальную, чем основную по отношению к природе грамматической субстанции и выражения. <...> Теперь должно быть ясно, что мы выступаем не столько за исследование “структуры” выражения грамматических значений в языке, сколько за исследование того, каким образом в различных языках возникает грамматическое значение и выражение, что помогает понять свойства, внутренне присущие естественному языку» [Bybee et al. 1994: 20–21].

В практической части этой работы приводится – в различных разделах – несколько десятков пар (а иногда и троек, и четырех) синонимичных глагольных форм в языках

мира; базовое и дополнительное употребления грамматического показателя при этом разграничены, и указывается, какие дополнительные (вторичные) употребления развивает большинство рассматриваемых показателей. В случае совпадения базовых употреблений, при том, что дополнительные употребления расходятся, речь, в наших терминах, идет о квазисинонимии. Поскольку, однако, указанное исследование опирается не на анкетирование информантов, а на различные существующие описания, степень подробности, семантической ориентированности и адекватности которых может существенно варьировать, отсутствие указаний на распределение дополнительных значений той или иной пары форм еще не говорит об их полной синонимии; в этом случае осторожнее говорить также о квазисинонимии (см. выше). В связи с некоторыми типами грамматических показателей эксплицитно указывается, в частности, что для этих типов особо характерно наличие более одной соответствующей формы в одном и том же языке; кроме уже неоднократно обсуждавшегося будущего времени и родственных значений, отметим прогрессив [Bybee et al. 1994: 149] и перфект, не развивающий дополнительных значений, так называемый «молодой перфект» [Там же]; список показателей – [Там же: 65–66].

Важные теоретические утверждения, связанные с синхронным «наслаждением» грамматических показателей, образовавшихся из общего источника или принадлежащих к одному и тому же типу, содержатся в работе [Dahl 2000], представляющей собой введение к коллективной монографии «Время и вид в языках Европы» [Dahl (ed.) 2000].

В этой статье Э. Даль эксплицитно противопоставляет подход, основанный на грамматикализации, традиционному структуристскому подходу, опирающемуся на понятие морфемы и описывающему ее семантику в соответствии с противопоставлениями, существующими внутри данной системы. «Подход, базирующийся на грамматикализации, стремится прежде всего подчеркнуть существенное сходство – как в плане выражения, так и в плане содержания – между грамматическим материалом различных языков. Внутрисистемные отношения, характеризующие данный элемент, будут рассматриваться как вытекающие скорее из внутренних свойств данного элемента, чем из чего бы то ни было еще» [Dahl 2000: 13]. Следовательно, не всегда оказывается возможным и желательным установить жесткие противопоставления между членами системы: «Процесс грамматикализации обыкновенно приводит к положению дел, которое непросто поддается описанию в терминах бинарных оппозиций. Так, грамматические показатели проявляют тенденцию распространяться волнообразно и, метафорически говоря, догоняют друг друга на пути развития. Если и можно говорить об “оппозиции” между более старым и более молодым показателем на одном и том же пути грамматикализации, это скорее вторичный эффект позиции показателей относительно друг друга. Действительно, из-за многомерности процесса грамматикализации, в некоторых случаях нельзя установить системного семантического различия между двумя подобными показателями» [Там же].

Кроме того, в этой же статье вводится связанное с диахроническими последствиями синонимии глагольных показателей понятие «показателя-пончика» (*doughnut gram*)⁶ с «пустой серединой» – не имеющего прототипических (базовых) использований, которые уже заняты новым показателем. Подобные граммемы «достаточно частотны; они возникают в процессе грамматикализации в тех случаях, когда один или несколько показателей образуются из одного и того же источника в различный период. Центральные значения старшей граммемы захватываются младшей, однако периферия ее сохраняется на некоторое время. Типичный случай – прогрессивы, превращающиеся в имперфективы и затем уступающие прежнюю свою территорию для образования новых прогрессивов. В результате возникает на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда прогрессив уже не имеет употреблений, свойственных для прогрессива» [Dahl 2000: 10]. Грамматические показатели, согласно Э. Далю, представляют собой частный случай

⁶ Данная метафора взята Далем из работы [Kemmet 1993].

т.н. остаточных показателей (*residual grams*), «семантическая область которых сокращена вследствие вторжения некоторого другого показателя». Нередко подобные показатели формируют заново базовое значение взамен утраченного: «то, что в прежней ситуации было вторичным употреблением, становится первичным» [Там же].

В отечественной лингвистике с точки зрения теоретического осмыслиения грамматической синонимии можно отметить, в частности, анализ синонимии нескольких форм будущего времени в багвалинском языке, предпринятый Т.А. Майсаком и С.Г. Татевосовым и сформулированные в этой связи теоретические положения [Майсак, Татевосов 2001], опирающиеся на «подход Байби–Даля». Авторы отмечают, что «в рамках структуралистского подхода к грамматическому значению ожидается, что... образующие систему единицы стремятся к максимальному контрасту и что всегда существует хотя бы один диагностический контекст, который позволяет выявить этот контраст. Обнаружения языковых данных, подобных будущим временам в багвалинском языке, в рамках этой системы допущений о свойствах грамматического значения не ожидается» [Там же: 286]. Подчеркивается, что система допущений, принятая в теории грамматикализации, напротив, «не вводит ограничений на дистрибуцию категорий, “обслуживающих” одну и ту же семантическую область, и появление единиц с пересекающейся или даже совпадающей дистрибуцией не является неожиданным» [Там же]. Авторы формулируют также типологические закономерности (отчасти эти формулировки восходят к цитировавшимся выше работам) относительно того, какие глагольные формы чаще других вступают в синонимические отношения: «разные области грамматического значения в разной степени склонны к появлению синонимичных частно-языковых категорий. Интенсивная синонимия в сфере глагольных значений наблюдается в первую очередь среди категорий, выражающих модальность и временную референцию к будущему. Наоборот, категории, ассоциированные с временной референцией к прошлому, в большей степени склонны к формированию семантических контрастов» [Там же].

Таким образом, фундаментальные исследования, предпринятые в рамках грамматической типологии, особо выделяют грамматическую синонимию как одно из основных явлений, релевантных для изучения видо-временных значений в языках мира с теоретической точки зрения; в рамках этих исследований уже накоплен и значительный фактический материал, отражающий корреляции между явлением грамматической синонимии и определенным типом показателей, синхронные и диахронические свойства таких пар и т.п.

4. «КОНКУРЕНЦИЯ МОДЕЛЕЙ» В ТЕОРИИ «ЯЗЫКОВОЙ СЛОЖНОСТИ» ЭСТЕНА ДАЛЯ

Феномен сосуществования «старых» и «новых» грамматических форм со схожими значениями играет важную роль в концепции «языковой сложности», изложенной в недавней монографии Даля [Dahl 2004]⁷, которая представляет собой плод его двадцатилетних трудов. Данная работа достаточно подробно анализирует типологию этого явления и опирается на последние достижения (в том числе и самого автора) в области теории грамматикализации, однако учитывает и положения, сформулированные в рамках более ранних подходов (в том числе структуралистских). Соответствующий раздел книги Э. Даля – наиболее содержательное в существующей литературе обсуждение проблематики, рассматриваемой в настоящей работе.

Здесь рассматривается уже не просто эволюция конкретных грамматических форм, а становление и развитие всей грамматической системы языка, связанное с развитием и поддержанием информационной «сложности» языка. Под «сложностью» понимается нелинейное соответствие между планом выражения и планом содержания, включая и

⁷ В настоящее время в печати находится подготовленный нами русский перевод этой работы (Э. Даляр. Возникновение и сохранение языковой сложности).

наличие значительного числа обязательных (грамматических в понимании Якобсона) единиц, дублирующих информацию, уже выраженную в высказывании, а также разного рода нетривиальное устройство подобных единиц – «системная сложность»: различные типы словоизменения, несегментные единицы, многообразие моделей словообразования [Dahl 2004: 40–45 и сл.].

Положение дел, которое нарушается, в частности, синонимией и омонимией, но и языковой сложностью в целом – это так называемая «упорядоченность» (*order*), или максимальная информативность, при которой «каждая форма имеет только одно значение, и наоборот» [Dahl 2004: 19]; прямо противоположная ситуация – это «беспорядок» (*disorder*), или максимальная энтропия, где любая форма может иметь любое значение; «очевидно, что естественные языки располагаются где-то посередине», но в общем случае «порядок менее вероятен, чем беспорядок» [Там же: 20]. Каждая система содержит элементы как порядка, так и беспорядка, причем типологическим обобщениям более поддаются первые, нежели вторые, ибо пространство возможностей для упорядочивания, разумеется, гораздо меньше, чем для различного рода нарушений идеализированной ситуации; в этой связи Даль даже цитирует первое предложение из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого. Всякое изменение в языке, согласно Далю, так или иначе предполагает увеличение степени «беспорядка»; из этого можно сделать вывод, согласно которому переходные состояния языка «несчастливы» каждое «по-своему», и типологическое исследование едва ли может его затрагивать.

Синхронная синонимия грамматических единиц рассматривается как элемент диахронического процесса «созревания» (*maturity*) определенных грамматических паттернов (*patterns*). Периоду «распространения паттерна» (постепенному употреблению во все большем количестве контекстов и семантическому стиранию первоначального значения) сопутствует конкуренция существующих паттернов за определенную нишу (метафора, взятая из биологической теории эволюции, [Dahl 2004: 77–78]) в языке, заканчивающаяся рано или поздно – но не непременно рано – «упорядочением» («регуляцией») таких паттернов. Если некоторая языковая единица распространяет свою семантику на некоторое достаточно распространенное значение *X* – например, будущее время, – «в нормальном случае в языке уже имеется некоторый способ выражения той же пропозиции» [Там же: 120]. Исходным положением системы здесь является ситуация, в которой два паттерна *P1* и *P2* «синонимичны (по крайней мере с точки зрения условий истинности) за исключением того, что *P2* используется при некоторых ограниченных условиях» [Там же: 121–122]. Затем в ходе «распространения» паттерна *P2* он проходит «риторическую инфляцию» и перестает нести характерный для него оттенок информации; к числу примеров подобного изменения Даль относит, в частности, и эволюцию перфекта в сторону простого прошедшего – он теряет свойственную данной категории характеристику неопределенности времени события [Там же: 123].

В качестве особых условий появления синонимичных форм Даль указывает и принцип «выхода из положения» (*problem solving*); новый способ выражения возникает там, где старый по каким-либо морфологическим или синтаксическим причинам уже неприменим; хотя Даль и присоединяется к вековой критике давней гипотезы, согласно которой нововведения в языке «заполняют лакуну» ([Dahl 2004: 125], см. об этом также выше, раздел 2), он признает, что в известных случаях подобные факторы и имеют объяснительную силу. Например, в шведском языке аналитическая форма сравнительной степени образуется в основном от суффиксальных адъективов, в которых существующий суффикс «блокирует» добавление нового. В этой связи он вспоминает, между прочим, и радикально-структуралистский «блокирующий принцип» Эроноффа и последователей [Там же: 97, 126], рассматривая его на частном примере «запрета» на порождение неправильной глагольной формы в английском языке, если в языке уже имеется регулярная.

Итак, в языке увеличивается «варьирование» (*variation*) и уменьшается степень «упорядоченности»: рост употребительности одной и той же формы ведет к падению употребительности другой, равнодействующая с точки зрения системы здесь равна нулю (*zero-sum game*); однако на этом изменение не обязательно заканчивается. «Упорядочение паттернов ведет либо к совершенному исчезновению из данной ниши одного или не-

скольких более старых паттернов, либо установлению тотального или частичного разделения труда между новыми и старыми паттернами. Таким образом, варьирование ограничивается, а порядок увеличивается» [Dahl 2004: 120].

Даль особо выделяет важный принцип, согласно которому возможные диахронические последствия конкуренции в одной и той же нише двух разных грамматических паттернов могут привести к созданию новых границ внутри этой ниши, в результате чего, на первый взгляд, «на ровном месте» (*out of thin air*) появляются новые грамматические различия, а система продолжает усложняться [Там же: 120–121].

Выделяется, таким образом, три типа диахронического развития «конкуренции паттернов» в одной и той же нише [Там же: 128]:

- (1) стабильная ситуация свободного варьирования паттернов («ничего не меняется»);
- (2) «победа» нового паттерна, вытесняющего старые;
- (3) «перемирие» (*truce*), то есть разграничение в функциях между существующими паттернами.

Ситуация (1), однако, сравнительно редко представляет собой пример совершенно свободного выбора – как правило, употребление той или иной из конкурирующих форм определяется дополнительными стилистическими и прагматическими факторами, если не прямо денотативным элементом значения. «Грамматические системы, – по-видимому, в особенности глагольные, – изобилуют конкурирующими конструкциями или формами подобного рода; в случаях, когда выбор между конкурентами делается исходя из семантических факторов, это часто факторы очень тонкого и зыбкого (*elusive*) характера» [Dahl 2004: 129]. В качестве примера Даль приводит анализ способов выражения будущего времени в европейских языках и конкуренцию между перфектом и старым простым прошедшим как в тех языках, где последнее уже вытеснено новой формой, так и в тех, где указанные формы находятся в состоянии стабильного сосуществования.

Э. Даль подчеркивает, что подобные явления не вписываются в жестко структуралистский анализ: «Ситуации конкуренции, подобные упомянутым здесь, трудно соотнести со структуралистским идеалом системы четких оппозиций, “*où tout se tient*”⁸. Так, что касается способа маркирования будущего времени в романских языках, то, как кажется, нет однозначного семантического разграничения между синтетической формой и перифрастическими оборотами, хотя можно показать, что существует множество семантических факторов, влияющих на выбор между ними. Например, едва ли можно утверждать, что удаленность во времени – часть семантики синтетического будущего во французском языке, хотя, несомненно, есть тенденция употреблять его скорее для отдаленного, чем для близкого будущего» [Там же: 129–130]. Другой обсуждаемый пример подобной неопределенной ситуации – выбор между краткой и полной формой прилагательного в предикативной функции в русском языке – также определяется множеством семантических, грамматических и стилистических факторов. Характерная черта этих «многофакторных тенденций» (термин наши) – неустойчивость: «Только в том случае, когда два паттерна употребляются в одинаковой нише, выбор между ними может быть связан с семантическими и стилистическими эффектами. Поэтому такие эффекты достаточно неуловимы и нестабильны; они не существовали до того, как в нише появился новый паттерн, и если ему будет суждена дальнейшая экспансия и захват всей ниши, они исчезнут снова» [Dahl 2004: 131].

«Разграничение функций» между старым и новым паттерном может выражаться, в частности, в установлении четкой пограничной линии внутри множества лексем; таким образом, в часть лексем новый паттерн не проникает вовсе; на этой границе «процесс

⁸ Знаменитая краткая парадигма социорианского структурализма: «*chaque langue forme un système où tout se tient*» («каждый язык образует систему, где все (=все элементы) поддерживают друг друга»). Она, однако, не принадлежит самому де Соссюру (и даже, по крайней мере, не содержится в издании под его именем «Курс общей лингвистики»), а сформулирована занимавшим независимую по отношению к структурализму позицию А. Мейе [Meillet 1937: 475], который пишет о знаменитом «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» де Соссюра.

грамматикализации может на долгое время – возможно, на несколько веков – затормозиться» [Там же: 131–132]. В качестве примера приводятся синтетическая и аналитическая форма сравнительной степени прилагательного, лексическая граница между которыми проходит в различных европейских языках по-разному. Иногда такое разграничение ведет к тому, что некоторая конструкция, первоначально употреблявшаяся в большем количестве контекстов, становится обязательной для некоторых из них, но недопустимой в других – «это можно сравнить с перемирием, согласно которому две армии, сражавшиеся на всем пространстве некоторой территории, отступают на известные позиции и делят эту территорию между собой» [Там же: 133]. Такая стратегия является контрпримером к часто делающемуся утверждению об однонаправленности и необратимости (*unidirectionality*) процесса грамматикализации (соответствующие положения восходят к работам Хоппера, см. об этой проблематике [Haspelmath 2004], там же и соответствующая библиография) поскольку в данном случае конструкция как раз отступает с «завоеванных» было позиций. Кроме того, разграничение может затронуть и набор значений конкурирующих форм; нередко одна из них утрачивает базовое значение и оставляет только вторичные – это феномен «категории с пустой серединой», который уже обсуждался выше (см. раздел 3).

В обсуждаемой работе [Dahl 2004] идет речь также и о резком сокращении альтернативных показателей по мере обобщения значения и тем самым сужения грамматической «ниши» («специализации» по Бреалю), которое также является необходимой составной частью «упорядочения» паттернов как грамматических способов выражения.

На смену «упорядочению» паттернов приходит «адаптация» – то есть уменьшение фонетической избыточности (*verbosity*) кода: морфологизация, переразложение, переход от аналитизма к синтетическим показателям и схожие процессы [Там же: 157–174].

Таким образом, процесс «конкуренции паттернов» рассматривается как обязательный элемент становления новых грамматических способов выражения. Выделяется – на обширном типологическом материале – целый ряд характерных его признаков, таких, как неустойчивость предпочтений между конкурирующими формами (определеных не столько денотативной семантикой, сколько достаточно тонкими различиями pragmatischen и stilistischen характера), возможность стабильного разграничения синонимичных старой и новых форм, зависимость подобного процесса от лексического наполнения конкурирующих конструкций. Наконец, несмотря на постоянные отсылки к «блокирующему принципу», к «боязни синонимов» в языке, признается возможность достаточно долгого существования жестко не разграниченных (кроме как при помощи вышеупомянутых предпочтений неустойчивого характера) грамматических синонимов; «подобный тип конкуренции между грамматическими паттернами является скорее правилом, чем исключением» [Dahl 2004: 131].

Вместе с тем Э. Даль относит подобное явление к «беспорядку» в языке, с трудом поддающемуся типологическому обобщению (в отличие от «островов стабильности» в виде более четко структурируемых элементов синхронного языкового состояния). В частности, высказано только одно – причем без аргументации и некатегоричное – утверждение относительно предпочтения тех или иных фрагментов грамматической системы языка к формированию грамматической синонимии («Грамматические системы, – по-видимому, в особенности глагольные, – изобилуют конкурирующими конструкциями или формами подобного рода»).

5. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В ДРУГИХ ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИХ ТЕОРИЯХ: БИСИНХРОНИЯ, ВАРИАЦИОНИЗМ, ТЕОРИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Проблема грамматической синонимии, или «варьирования» формы при неизменном (базовом) содержании, ставится и в некоторых других лингвистических направлениях XX – начала XXI века; кратко обсудим их достижения, релевантные для проблематики нашей работы.

С начала 1980-х годов во французской славистике выдвигалась идея необходимости анализа языковых явлений при учете двух временных планов истории языка – иными

словами, отдельного рассмотрения и сопоставления явлений, демонстрирующих в синхронном срезе семантическую близость, но возникших на различных этапах диахронического развития. В этом подходе (так называемой «бисинхронии», *l'approche bisynchronique*) заметно сходство с принятым в теории грамматикализации принципом «наслаждания». Он предложен славистом П. Гардом в 1981 году; Гард предлагает говорить о «бисинхронии» в тех случаях, когда «в пределах одного и того же синхронного состояния факты соответствуют двум различным моделям, которые в действительности представляют собой проекцию на синхронный план эволюции старой модели по направлению к новой» (цит. по [Robillard 2001: 13]). В рамках указанного подхода наиболее активно работает М. Гиро-Вебер, которая, в частности, применяла его к семантическому анализу кратких и полных прилагательных в русском языке [Guiraud-Weber 1993] (как типичный феномен грамматической синонимии форма прилагательного в русском языке рассматривается, например, в [Dahl 2004: 130–131]).

Специально ставит в фокус внимания «варьирование» языка группа лингвистов (преимущественно американских и канадских), направление которых так и называется – вариационизм (*Variationist Linguistics*). Полемизируя со структурализмом (и с генеративной морфологией в версии Эроноффа и его продолжателей), вариационисты утверждают, что семантическая (в их терминологии нередко – «функциональная») эквивалентность широко представлена на уровнях языка «выше фонологии и за пределами ее» (*above and beyond phonology* [Sankoff 1973]). Большое внимание здесь уделяется изучению не столько грамматической семантики – хотя и такие исследования имеют место – а социолингвистических и территориальных вариантов языка. Действительно, это направление по своему генезису достаточно тесно связано с социолингвистикой, прежде всего с работами У. Лабова. Развиваясь первоначально независимо от типологии глагольных систем и теории грамматикализации, вариационизм обнаруживает в последнее время точки сближения с этими направлениями исследований. Ряд авторов, работающих в русле вариационистского подхода, в последнее время под влиянием работы [Bybee et al. 1994] апеллирует к понятиям грамматикализации (в том числе параллельной грамматикализации разных лексических источников) и «наслаждания» (*layering*): это характерно, например, для работ канадской исследовательницы С. Тальямонте [Tagliamonte 2000] и ее мексиканской коллеги Р. Торрес Какоульос [Torres Cacoullos 1999; 2001].

В [Tagliamonte 2000] автор анализирует глаголы со значением «посессивного результата» *have*, *have got* и *got* одновременно как показатели, отражающие различные стадии грамматикализации, и как маркеры разных социолингвистических регистров языка («разновидностей английского»). Здесь же указано и на то, что диахроническое развитие формы подразумевает ее специализацию, и по мере прогресса языкового изменения грамматические ограничения на дистрибуцию синонимичных форм растут (таким образом, получается перекличка, например, с концепцией «языкового созревания» Э. Даля).

Диссертация [Torres Cacoullos 1999] и основанная на ней статья того же автора [Torres Cacoullos 2001] посвящена грамматикализации конкурирующих конструкций со значением прогрессива (актуально-длительного вида) в испанском языке и его латиноамериканских вариантах, причем активно используется понятийный аппарат как вариационизма, так и теории грамматикализации. Здесь показано, что по мере того как с увеличением степени грамматикализации теряются остатки лексического значения грамматических показателей (например, *estar*, первоначально ‘стоять’, и *andar*, первоначально ‘ходить’, начинают безразлично употребляться в одних и тех же контекстах), они могут употребляться как показатели того или иного социолингвистического регистра (так, в мексиканском испанском *estar* служит сигналом языка образованного и городского общества, в то время как прогрессив с *andar* характерен для простонародной и деревенской речи).

В получившей известность на рубеже веков лингвистической «теории оптимальности» (предложенной в 1993 году фонологом А. Принсом и специалистом по когнитивным процессам П. Смоленским; см. краткое введение в нее [Gilbers, de Hoop 1998]) недавно появилась особая работа, посвященная соотношению «варьирования формы» (т.е. синонимии) и «варьирования значения» (т.е. омонимии) в грамматике [de Hoop et al.

2004]. Здесь обсуждаются в основном синтаксические явления (связанные с проблемами кодирования актантов и порядка слов). Но некоторые морфологические показатели также привлечены в качестве примеров, и опять-таки речь идет о латиноамериканском испанском прогрессиве – на сей раз как о «маркированном» синониме имперфекта.

Теория оптимальности утверждает, что грамматика состоит из системы ограничений на языковую правильность (принцип, неоднократно предлагавшийся в рамках генеративизма применительно к ограничениям на синтаксическую структуру), которые могут вступать в конфликт друг с другом, причем для таких случаев предусмотрена система приоритета (иерархия) этих ограничивающих правил. Из нескольких потенциально возможных поверхностных способов выражения выбирается лучше всего соответствующий сочетанию ограничений, так называемый «оптимальный» языковой элемент. В рамках «теории оптимальности» де Хооп и соавторы фактически «открывают заново» принцип «асимметричного дуализма» по Карцевскому и развивают его, сформулировав две дополняющие друг друга гипотезы. Первая касается омонимии/полисемии: «В тех случаях, когда нет варьирования формы (или оно уменьшается), налицо варьирование значения (или оно увеличивается)» [de Hoop et al. 2004: 1073]. Вторая затрагивает уже синонимию и выглядит полностью симметрично: «В тех случаях, когда нет варьирования значения (или оно уменьшается), налицо варьирование формы (или оно увеличивается)» [Там же: 1076]. Таким образом, сокращение варьирования одного из компонентов двустороннего языкового знака (единства формы и значения) влечет увеличение варьирования в другом компоненте. Авторы статьи эксплицитно критикуют «принцип блокирования» и «боязни синонимов» по Эроноффу–Вильямсу (см. предыдущую часть нашего обзора, раздел 5), утверждая, что контраст между синонимичными формами (или синтаксическими средствами выражения) проявляется в основном при рассмотрении примеров вне контекста; контекст, как правило, легко нейтрализует такие различия (ср. схожие идеи у Е. И. Шендельс, раздел 6 предыдущей части нашего обзора (см. ВЯ. 2008. № 3)). Таким образом, вполне возможно соотношение между формой и содержанием «две формы – одна семантика» («two-to-one mapping»); некоторые типы формальной и семантической маркированности (ключевое понятие для теории оптимальности), сопровождающие такую синонимию, и обсуждаются в статье де Хооп и соавторов (а также в некоторых других работах этого тематического номера журнала «Lingua»).

Таким образом, понятие грамматической синонимии продолжает активно осмысляться в лингвистике рубежа XX и XXI веков в рамках самых различных постструктураллистских теорий; предпринимаются и попытки (на наш взгляд, удачные) синтеза различных подходов (например, в исследовании прогрессива в испанском языке [Torres Cacoullos 1999] и объединяющем «вариационистский» подход канадской школы и теорию грамматикализации).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист 1959/1974 – Э. Бенвенист. Отношения времени во французском глаголе (1959) // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бодуэн де Куртенэ 1871/1963 – И.А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- Бодуэн де Куртенэ 1886/1963 – И.А. Бодуэн де Куртенэ. Из патологии и эмбриологии языка // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- Жирмунский 1963/1976 – В.М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях // В.М. Жирмунский. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Майсак, Татевосов 2001 – Т.А. Майсак. С.Г. Татевосов. Время // А.Е. Кибрик (ред.-сост.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М., 2001.
- Маслов 1978/2004 – Ю.С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 1. Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Маслов 1984/2004 – Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

- Маслов 2004 – Ю.С. Маслов. Избранные труды. М., 2004.
- Сеше 2003 – А. Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. М., 2003.
- Bybee 1985 – J. Bybee. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Bybee et al. 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliucca. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.
- Bybee, Dahl 1989 – J. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies of language. V. 13–1. 1989.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Comrie 1985 – B. Comrie. Tense. Cambridge, 1985.
- Dahl 1985 – Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Dahl (ed.) 2000 – Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin; New York, 2000.
- Dahl 2000 – Ö. Dahl. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin; New York, 2000.
- Dahl 2004 – Ö. Dahl. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam, 2004.
- Dik 1997 – S. Dik. The theory of functional grammar. V. 2. Berlin, 1997.
- Gilbers, de Hoop 1998 – D. Gilbers, H. de Hoop. Conflicting constraints: An introduction to optimality theory // Lingua. V. 104. 1998.
- Guiraud-Weber 1993 – M. Guiraud-Weber. La méthode bisynchronique dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne // RESI. V. LXV. № 1. 1993.
- Haspelmath 2000 – M. Haspelmath. The relevance of extravagance: a reply to Bart Geurts // Linguistics. V. 38. № 4. 2000.
- Haspelmath 2004 – M. Haspelmath. On directionality in language change with particular reference to grammaticalization // O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.). Up and down the cline – the nature of grammaticalization. Amsterdam, 2004.
- Heine 1997 – B. Heine. Possession: Cognitive sources, forces, and grammaticalization. Cambridge, 1997.
- Heine et al. 1991 – B. Heine, U. Claudi, F. Hünnemeyer. Grammaticalization: a conceptual Framework. Chicago, 1991.
- de Hoop et al. 2004 – H. de Hoop, M. Haverkort, M. van den Noort. Variation in form versus variation in meaning // Lingua. V. 114. 2004.
- Hopper 1991 – P.J. Hopper. On some properties of grammaticalization // E. Traugott, B. Heine (eds.). Approaches to grammaticalization. V. 1. Amsterdam, 1991.
- Hopper 1996 – P.J. Hopper. Some recent trends in grammaticalization. Annual Review of Anthropology 25. 1996.
- Hopper, Traugott 1993 – P.J. Hopper, E.C. Traugott. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Kemmer 1993 – S. Kemmer. The middle voice. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Lehmann 1982/1995 – C. Lehmann. Thoughts on grammaticalization. Munchen, 1995 (1st ed., 1982).
- Meillet 1912 – A. Meillet. L'évolution des formes grammaticales // Scientia (Rivista di scienza). 12 (26). 1912; цит. по перепеч.: A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1921.
- Meillet 1937 – A. Meillet. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Paris, 1937.
- Robillard 2001 – D. de Robillard. Peut-on construire les «faits linguistiques» comme chaotiques? Quelques éléments de réflexion pour amorcer le débat // Marges linguistiques. 2001. № 1.
- Sankoff 1973 – G. Sankoff. Above and beyond phonology in variable rules // C.-J.N. Bailey, Roger Shuy (eds.). New ways of analyzing variation in English. Washington, 1973.
- Sechehaye 1908 – A. Sechehaye. Programme et méthodes de la linguistique théorique. Paris, 1908. (Русск. пер.: А. Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. М., 2003).
- Tagliamonte 2000 – S. Tagliamonte. The grammaticalisation of the PRESENT PERFECT in English: Tracks of change and continuity in a linguistic enclave // O. Fischer, A. Rosenbach, D. Stein (eds.). Pathways of change – grammaticalization in English. Berlin, 2000.
- Torres Cacoullos 1999 – R. Torres Cacoullos. Grammaticalization, stylistic variation, and language contact: a study of Spanish progressive -ndo constructions. PhD dissertation. The University of New Mexico, 1999.
- Torres Cacoullos 2001 – R. Torres Cacoullos. From lexical to grammatical to social meaning // Language in Society. 30. 2001.
- Traugott 2001 – E.C. Traugott. Legitimate counterexamples to unidirectionality. Paper presented at Freiburg university, October 17th 2001. (www.stanford.edu/~traugott/papers/Freiburg.Unidirect.pdf)
- Žirmunskij 1966 – V.M. Žirmunskij. The word and its boundaries // Linguistics. V. 27. 1966.